

Скандинавска литература

Юнас Хассен Кемири
МОНТИКОР
Молчание тигра

18+

Юнас Хассен Кемири
Монтикор. Молчание тигра
Серия «Скандинавская
линия «НордБук»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73141883

Юнас Хассен Кемири «Монтикор. Молчание тигра»: ИД «Городец»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-907982-78-9

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Многослойный, изобретательный и дерзкий роман Ю. Х. Кемири повествует о жизни молодого человека из семьи иммигрантов в Стокгольме 90-х годов. Начинающий писатель, недавно издавший дебютный роман, получает письмо от старого друга своего отца, Кадира, который предлагает ему написать историю жизни великого человека, его родителя – суперфотографа-космополита, обожавшего свою семью, но однажды навсегда исчезнувшего. В этом отчасти

автобиографическом романе в письмах найдется место любви и предательству, тоске и безысходности, конфликту поколений и, конечно, неисчерпаемому юмору.

Юнас Хассен Кемири (р. 1978) – один из самых популярных писателей современной Швеции, лауреат многих литературных премий. Роман «Монтикор. Молчание тигра» был опубликован в Швеции в 2006 году, получил премию Шведского радио и премию П.-У. Энквиста, был номинирован на Литературную премию Августа Стриндберга. Ранее на русском языке выходили романы «На красном глазу» (2007), «Все, чего я не помню» (2015) и «Отцовский договор» (2018).

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Предисловие переводчика	7
Пролог	17
Часть 1	19
Часть вторая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Юнас Хассен Кемири

Монтикор. Молчание тигра

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Copyright © 2006, Jonas Hassen Khemiri

All rights reserved

© Наталия Братова, перевод со шведского, 2026

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2026

* * *

Спасибо вам, Мами, Бабá, Хамади, Лотфи

«They just think I'm a strange tiger who walks on two legs»¹

Рой Хорн, укротитель тигров из циркового дуэта

¹ Они просто думают, что я странный тигр, который ходит на двух лапах (*англ.*).

«Siegfried & Roy»

Предисловие переводчика

Сердечнейше приветствую тебя, дорогой читатель! Как хорошо, что ты решил заглянуть в предисловие. Возможно, да нет, почти наверняка ты уже начал читать роман, но тебе что-то не давало покоя, что-то смущало твой ум и нервировало глаз, и тогда ты решил зайти сначала сюда и узнать об авторе немного больше. Постараюсь не слишком утомлять тебя перед прочтением, но хочу кое-что прояснить о Юнасе Хассене Кемири и его книге.

Прежде всего отвечу на вопрос, который уже вертится у тебя в голове: да что у этого автора с языком и что за ужасный переводчик поработал над этой книгой? Автор умеет писать по-шведски без ошибок и непонятных слов и выражений, более того, мастерски владеет языком, а переводчик хорошо понимает, когда автор решает немного поиграть с языком и выйти за рамки привычного. Тебе же как читателю предстоит привыкнуть к речи рассказчика, впрочем, скорее всего, это займет совсем немного времени и страниц. Кстати, ты не одинок в этом заблуждении, полагая, что шведский для автора неродной. Свой дебютный роман «На красном глазу» Юнас Хассен Кемири написал в 2003 году и благодаря ему почти сразу приобрел известность. Роман расхваливали критики, он стал бестселлером в Швеции. Особое внимание привлек живой язык Кемири – ломанный шведский, избыли-

ющий молодежным сленгом и словечками, заимствованными из арабского и других языков. На нем говорили школьники и молодежь, дети некоренных шведов, на нем, нарочито коверкая слова и грамматику, ведет повествование главный герой романа, пятнадцатилетний Халим. Его неуклюжий и колючий шведский – вызов обществу, которое ждет от человека с его цветом кожи и волос огрехов в языке и в поведении. Но вот только книга оказалась настолько ярко и живо написана, что кое у кого из читателей и даже критиков сложилось впечатление, что молодой автор с нешведской фамилией изъясняется примерно как его герой, а значит вряд ли сможет написать что-то за пределами ампулы задиристого молодого эмигранта, плохо владеющего шведским. По словам самого Кемири, к нему не раз подходили почитатели его таланта, чтобы засвидетельствовать весьма сомнительный комплимент, сводившийся к тому, что он заметно лучше выучил шведский с тех пор, как написал свой дебютный роман. Легко понять, сколь сильно это должно было раздражать начинающего писателя.

Юнас Хассен Кемири родился в 1978 году в Стокгольме. Мама писателя шведка, отец родом из Туниса и, подобно героям романов Юнаса, за годы жизни в Швеции перебрал множество разных профессий: водителя поезда метро, бармена, продавца, школьного учителя. В семье говорили на шведском, арабском и французском языках. Стоит, кстати, отметить, что бабушка Юнаса была учительницей швед-

ского. Кемири изучал литературоведение в Стокгольмском университете и международную экономику в Стокгольмской школе экономики. А до взлета своей писательской карьеры успел поработать в магазине одежды, а также пройти стажировку в одном из офисов ООН в Нью-Йорке.

После невероятно успешного писательского дебюта Кемири выпустил следующую свою книгу в 2006 году, это был роман «Монтикор. Молчание тигра». И на смену юному герою-бунтарю, говорящему на «шведском из Ринкебю», эмигрантского района Стокгольма, пришел Кадир, который хоть и изъясняется по-шведски с некоторым затруднением, то и дело пересыпая речь невпопад подвернувшимися английскими и французскими словечками, но стремится говорить высоким слогом и всячески одергивает своего молодого друга по переписке, начинающего писателя Юнаса. Ведь Юнас не чурается сленга и языковой небрежности. В «Монтикоре» Кемири показывает себя мастером преображения: его романы, и этот, и последующие, многоголосы, в их полифонии всегда смешиваются, перебивая друг друга и споря друг с другом, очень разные голоса. Они почти всегда звучат от первого лица, и у каждого своя правда и своя история. Одни и те же бытовые конфликты подаются нам глазами разных героев, и каждому из них мы сочувствуем как самим себе.

Игра с пунктуацией и выделением прямой речи при этом становится авторским приемом. Кемири часто нарочно избегает выделения диалогов, прописывая сплошным текстом

реплики и внутренние монологи разных героев. Читателю предоставляется возможность самому решить, как должны сыграть те или иные слова, сказаны они героем вслух или про себя, характеризуют они героя с точки зрения автора или это его собственные слова. Возможно, это те самые голоса, которые мучают Юнаса в «Монтигоре», пока он наконец не берет над ними верх или же, что вернее, не начинает всерьез прислушиваться к ним, создавая из их шепота новые и новые истории.

В книге «Все, чего я не помню», изданной в 2015 году, сразу несколько героев спорят между собой, рассказывая историю то ли нелепо погибшего, то ли покончившего с собой Самуэля. В «Отцовском договоре» право голоса в череде семейных ссор и конфликтов дается всем, включая годовалого младенца и его четырехлетнюю сестру. В свежем, вышедшем в 2024 году романе «Сестры» переплетаются истории трех сестер и наблюдающего за ними рассказчика, их соседа Юнаса, которого, впрочем, сложно считать надежным рассказчиком. Не прибегая в данном случае к повествованию от первого лица, Кемири словно бы залезает в кожу каждой из своих героинь и перевоплощается в каждую из них, лишь изредка отступая на шаг, чтобы рассказать их истории со стороны. Автор будто вторит всякий раз Кадиру в «Монтигоре», который восклицает «Поймет ли вообще кто-нибудь хоть что-нибудь в такой истории, которая не их собственная?»

Романы Кемири очень киногеничны, перед нами словно

разворачиваются кадры семейных кинохроник, тех самых, которые, по воспоминаниям самого автора, так любил снимать восьмимиллиметровой камерой его отец. И так же как кадры кинохроник, они бывают обрывочны, переходя от размытой картинке к резкому фокусу на детали. И подобно старой семейной кинохронике на первый взгляд они кажутся невероятно автобиографичными. Автор будто нарочно оставляет маркеры, накрепко привязанные к его реальной жизни: папа-тунисец, два младших брата, молодой амбициозный писатель в центре повествования, и даже день рождения у этого писателя совпадает день в день с автором романа. И имя главного героя сразу в нескольких произведениях ни на букву не отличается от собственного имени автора. Произведения Кемири усыпаны и менее явными отсылками к реальным событиям и людям в жизни автора. Так, среди участников собрания «Чурок 4 life» в фотоателье легко можно угадать некоторых друзей Кемири, к которым присоединяется Ваня, герой пьесы «Вторжение!», написанной в том же году, что и «Монтикор». А за образом Самуэля в романе «Все, чего я не помню» скрывается история реального самоубийства близкой подруги Кемири, которое стало для него сильным потрясением. Все эти многочисленные головоломки, на которые лишь изредка намекает автор в своих интервью, обязательно станут пищей для исследований его биографов. Можно было бы назвать это автофикшном в прустовском ключе. И, наверное, неслучайно «В поисках утра-

ченного времени» не раз упоминается в книгах Кемири.

Но на поверку вся усыпляющая реалистичность повествования оказывается еще одним важным авторским приемом. Он словно вводит читателя в транс – все настолько реально, правдоподобно и буднично, ровно до того момента, когда на сцене вдруг не появляется настоящий (настоящий ли?) тигр или приведение, ведущее рассказ от первого лица, а три героини не сливаются в одного персонажа (пьеса «Нас сотня»). И тогда читателю приходится срочно пересматривать правила игры и на ходу принимать новые. Ведь каждая книга Кемири – это еще и игра со своими правилами. В «Монтигоре» нам нужно освоить забавный кемирийско-кадирский язык, которым тем не менее будет рассказана совсем не веселая история эмигранта Аббаса. В романе «Все, чего я не помню» приходится настраивать ухо на несколько голосов, которые остаются не представленными, словно бы перебивают друг друга, каждый стремясь рассказать свою единственно верную историю жизни (и смерти) парня по имени Самуэль. В «Отцовском договоре» игра еще более усложняется: что, если лишить всех героев имен и оставить за ними лишь вечно сменяющиеся социальные роли? Сможет ли читатель тогда следить за сюжетом, а главное, сопереживать этим героям? Наверняка. Тем более что именно такая размытость помогает примерить каждую из ролей на себя и задает своеобразный ритм всему роману.

Одной из главных тем во всех произведениях Кеми-

ри, несомненно, становится тема иммиграции и культурной идентичности. Почти каждый его герой либо родился не в Швеции, либо происходит из семьи, где хотя бы один из родителей – иммигрант. Кемири описывает собственный опыт, состоящий из мелких будничных деталей и переживаний человека с иммигрантским бэкграундом и нетипичной для рядового шведа внешностью. В 2013 году Юнас Кемири пишет открытое письмо-эссе в адрес тогдашнего министра юстиции Швеции «Уважаемая Беатрис Аск». В нем он рассказывает о своем опыте уязвимости, борьбы со стереотипами и навязываемым чувством вины, причиной которого становятся цвет кожи, волос, нетипичная внешность. Но и в этом нехудожественном документе он не просто предлагает госпоже Аск посмотреть на современную Швецию его глазами, он буквально заталкивает ее в собственную шкуру и дальше ведет повествование от первого лица множественного числа – мы. «Нам шесть... нам семь... нам девять», и каждый раз вокруг нас происходит что-то, что заставляет нас задуматься о том, почему папу так часто и надолго останавливают таможенники в аэропорту, почему в кино злодеями оказываются мужчины с темной кожей, как скинхеды могут безнаказанно ходить по улицам, унижать и пугать нас.

Не менее важной для книг Кемири можно назвать и тему писательства и творческого поиска. Молодой автор в «Монтикоре» только недавно написал первую книгу, сомневающийся в себе папа из «Отцовского договора» пробует себя

в стэндапе, хотя почти не верит в собственные силы, герой романа «Все, чего я не помню» собирает свидетельства о жизни Самуэля для своей книги. В произведениях Кемири вообще очень много литературы, из разбросанных по ним упоминаний книг других авторов можно было бы составить неплохую библиотеку. И в ней немало места было бы отдано поэтам и писателям, которые находятся за бортом англоцентричного европейского литературоведения. Говоря о литературе в произведениях Кемири, нельзя пройти мимо его увлечения Владимиром Набоковым, которого он всегда называет среди своих любимых авторов. Посещение квартиры Набокова было обязательным пунктом программы во время единственного приезда Кемири в Петербург в 2006 году. А рассказ «Случаи из жизни» Кемири выбрал для прочтения, когда его пригласили на подкаст «Нью-Йоркер» в 2023 году². И это снова подсказывает нам, читателям, что Кемири не из тех, кто относится к языку с неряшливостью графомана. В его произведениях каждый герой говорит своим особым языком и каждое слово, каждая запятая занимают именно то место, которое уготовано им автором. В учителя себе он взял лучших.

В своих произведениях Кемири уделяет большое внимание музыке, что также делает их более киногеничными. Читая его книги, буквально хочется включить музыку и под-

² Jonas Hassen Khemiri Reads Vladimir Nabokov – The New Yorker. Fiction Podcast, 01.05.2023.

даться ритму, который ведет его героев. Чаще всего в его романах звучит рэп. По ним можно знакомиться с дискографией и культурой американского хип-хопа девяностых. Тупак Шакур, «Паблик энеми», «рэперы из Комптона» звучат в наушниках героев и формируют их взгляды на окружающий мир, превращая предместья Стокгольма в темные переулки Бронкса и мотивируя их переходить на английский в обыденной жизни, как происходит с Иной, Элин и Анастэйшей в «Сестрах».

Всего у Кемири на сегодняшний день вышло шесть романов и семь пьес. Постановки его драматических произведений можно увидеть на сценах от Стокгольма до Берлина, от Нью-Йорка до Лондона. Некоторые его пьесы ставились и в России. Романы Кемири удостоились многих шведских и международных литературных премий, в том числе престижной Августовской премии (Швеция), Национальной книжной премии США, Премии Медичи (Франция). Его произведения переведены более чем на тридцать языков, в том числе на русский: романы «На красном глазу» (О. Коваленко), «Все, чего я не помню» (Ю. Григорьева), «Отцовский договор» (Н. Братова), «Я звоню своим братьям» (Ю. Григорьева)³, пьеса «Нас сотня» (М. Людковская), эссе «Уважаемая Беатрис Аск» (Н. Асеева). Сегодня Юнас Хассен Кемири живет в Нью-Йорке, куда переехал после пандемии по стипендии Центра Каллмана при Нью-Йорк-

³ Готовится к изданию.

ской публичной библиотеке.

А в январе 2025 года в Стокгольме умер один из главных героев романов автора, точнее тот, кого можно считать их прототипом, с которым Кемири ведет в своих книгах бесконечный спор и на которого смотрит глазами оставленного на берегу Телемаха, с обидой и восхищением, – Хассен Кемири, «учитель из школы Альби, мастер по починке сломанных телевизоров, водитель поездов в метро, ловец кроликов, любитель каламбуров, почитатель Бреля, Бодлера и Умм Кульсум, игрок бицепсами, бармен, предприниматель, продавец часов, мечтатель класса делюкс, папа и дедушка, каких не бывает»⁴.

⁴ Из поста на странице Ю. Х. Кемири в одной из социальных сетей.

Пролог

Приветствую тебя, любезный читатель, что стоишь и листаешь страницы в книжном бутике! Позволь дефинировать тебе, почему именно этой книге надлежит принести жертвой твое время и финансы!

Давай же вместе предоставим себе, как лучший в мире папа и супергерой этой книги расхаживает костюмированный во все белое по террасе на крыше своего люксового лофта в Нью-Йорке. Тени птиц скользят по краснеющему небу, гудки таксистов затихают вдали, а на заднем плане бурлитесь гигантское джакузи.

Наш герой охватывает взглядом роящий улей Манхэттена. Ветер растрепляет маскулинный хвост его волос, пока память оживляет всю его жизнь. Мизерабельное взросление в детском доме в Тунисе, релокация в Швецию и борьба за карьеру. Перфектные фотоколлекции, непрерывные разочарования, рецидивные предательства. Под аккомпанемент закатного солнца и бурлирующего джакузи губы его расходятся в улыбке при мысли о поздно пришедшем карьерном успехе.

И вдруг вспышки ностальгии обрываются. Что за груженные воздушными шарами нежданные гости с криками «ура» выступают из его приватного лифта? Вот машут рукой фотографы-эквилибристы Картье-Брессон и Ричард Аведон. Вон

приветствуют радушно великие умы Салман Рушди и Наоми Кляйн. Вот подходят великосердные обладатели совести мира Кофи Аннан и Стинг. Пробки от шампанского левитируют к небесам, а официанты выкатывают гигантский торт с его именем, декорированным на нем глазурью. И прежде, чем вечер кончится, Боно в кожаном пиджаке придет салютовать день его пятидесятилетия акустическим исполнением своего хита «Even Better Than The Real Thing».

Глаза нашего героя увлажнились, он благодарит друзей.

Как же достиг он столь космического успеха для мизерабельного безродного мальчишки?

Инвестируй же непромедлительно свое время и капиталы в вояж с этой книгой, и пребудет с тобой знание!

Часть 1

Сердечнейше приветствую тебя!

Поразись на то, кто пишет тебе эти фразы! А ведь это КАДИР стучит по клавиатуре!!!! Древнейший друг твоего отца! Помнишь меня? Вся моя надежда на твою беспокойную голову. Шел 1986 год, когда я визитировал вас в Стокгольме: твою улыбчивую мать, твоих недавно появившихся братьев, твоего гордого отца с его свежей фотостудией. И тебя самого, ассистировавшего мне и твоему отцу в премудростях шведского языка. Меморируешь ли ты наши языковые правила? Ты тогда был корпулентным мальчиком со способностью к языку и солидным взрослым аппетитом на мороженое и конфетки «Pez». И вот ты уже окрепший мужчина и со дня на день опубликуешь свой премьерный роман! Приношу тебе мои величайшие поздравления! Как быстро щелкает время, когда человек не лишен юмора, согласишься со мной?

Твой издательский дом телеграфировал мне адрес твоего электронного ящика, так что я пишу тебе, желая инспектировать, не посещали ли тебя новости от твоего родителя? Не знаешь ли ты, где он сейчас дислоцировался? И преисполнены ли ваши отношения тем же трагедийным молчанием, что и в прошлые восемь лет? Мы с твоим отцом находились в непрерывной дружбе вплоть до того, как месяц назад он не прекратил вдруг оппонировать на мои письма. И

теперь грудь моя полна перманентной тревоги. Что, если его похитило ЦРУ и отправило костюмированного в оранжевый комбинезон прямиком в Гуантанамо? Или умыкнул Моссад? Или сделал своим пленником «Нестле» в наказание за его фотографии их фабрики в Парагвае с обличением рабских условий труда? Все альтернативы совершенно потенциальны, потому что твой отец достиг весомой политической величины. С момента релокации из Швеции его фотографическая карьера заблестала золотом.

В последние годы он турнировал по всему миру, неся свою камеру как политическое оружие. Пристанищем ему служит люксовый лофт в Нью-Йорке, книжные полки оккупированы экземплярами современной интеллектуальной беллетристики, а его время ангажировано благоустроителями мира глобального масштаба вроде Далай Ламы и Брюса Гелдофа⁵. В вакантные ночи он участвует в конференциях за мир или же со свистом пролетает по пустынным авеню на своем лиловом «Мерседесе 500 SL» с кожаными сиденьями и активированными дворниками.

Оппонируй мне на это... эквивалентен ли твой успех отцовскому? Твой книжный контракт переделал тебя в миллионера или миллиардера или же просто обеспечил безбедной экономией на несколько ближайших лет? А все эти литера-

⁵ КаDIR, вероятно, имеет в виду Боба Гелдофа, ирландского музыканта, актера, лидера группы The Boomtown Rats и общественного деятеля. Его силами был организован благотворительный концерт Live Aid в 1985 г. в помощь голодающим детям Эфиопии. (Прим. пер.)

турные эквилибристы вроде Стивена Кинга и Дэна Брауна, стали они тебе близкими друзьями или же это формально знакомые по работе коллеги? Много ли надо попотеть и попынтеть писателю, у которого на очереди в публикацию премьерная книга? И каждый ли день тебе по почте присылают надушенные трусики? Корреспондируй мне поскорей, если у тебя будет в распоряжении время.

У меня самого тоже бывали беллетрические мечтания. Долгое время проектировал я писать биографию и посвятить ее твоему отцу. К несчастью, мои амбиции парализовали недостаток познаний и пресыщенность издательских домов. Когда я начал писать это мое послание, мой мозг внезапно пронзила гениальная мысль: что скажешь, если твой вторичный фолиант изобразит дивную жизнь твоего отца?

Давай же столкнем наши мудрые головы и зародим биографию, достойную твоего почтенного родителя! Давай поспособствуем друг другу в креатуре мастерского шедевра, который привлечет массивную публику, ославленную Нобелевскую премию, а может, и пригласительную карточку в телестудию Опри Уинфри!

Поскорее оппонируй мне свое положительное согласие. Ты НИ ЗА ЧТО не пожалеешь!

Твой заново обретенный друг

Кадир

PS: Чтобы мое предложение дало пропитание твоему интересу, присовокупляю к письму два документа в формате

Ворд. Один пригоден для пролога нашей книги, другой презентует детство твоего родителя. Я знаком с его старинным нежеланием осведомлять тебя о деталях своей биографии. Но верь моему слову на слово: если бы он только мог, то поспособствовал бы многим больше. А если бы знал о твоём выходящем романе, то со слепящей глаза гордостью озарял бы своим видом знаменитые авеню. DS⁶

Жила-была одна деревня на западе Туниса, которая звалась Сакият-Сиди-Юсуф. Здесь и случилось мое рождение в осень 1949 года. Здесь жил я в семейственной идиллии до 1958 года, когда трагедийное несчастье прервало жизни моему отцу, матери и четырем младшим братьям. Нелепно сброшенные французскими колониалистами из Алжира бомбы упали на нашу деревню, хотя мишенями их были соратники Фронта национального освобождения. 68 человек погибло, а я в результате остался бессемейным. Друг семьи транспортировал меня в город Джендубу, в дом, где меня оприветили добрейшая Шарифа и любезнейший Файсал, державшие неформальный детский приют для антиколониальных мучеников.

Скажи, являл ли твой родитель тебе остатки того дома? Приют дислоцировался в одном из восточных кварталов Джендубы, недалеко от парка со статуями и недавно закрытого кинозала. В нем были две спальные комнаты с лазурными ставнями и декоративными решетками. В нем были кух-

⁶ DS – deinde scriptum, за подписью (*лат.*).

ня и обеденный зал, учебная комната с шершавыми партами, истертой классной доской и полным комплектом шмыгучих ночных тараканов.

Уже в те незапамятные времена сердце Шарифы было столь же велико, как широк был ее зад. Ее вера в наши потенциалы могла соразмеряться разве что с ее же страстной ненавистью к миссии французов нести в мир цивилизацию. Файсал, муж Шарифы, был скромным деревенским учителем и, дабы разгладить свою вину за репродуктивную бессильность, позволил жене организовать приют для юных страдальцев. Я делил кров с двумя широкоплечными братьями Дхибом и Суфьяном, чьи родители погибли по причине одной из атак против террористов Фронта, которые французы с большим юмором именовали «des ratonnades» («травля крыс»). В комнате по соседству с моей проживали Смирда со своей сестрой Ульфат, чьих родителей нашли мертвыми с сорванными ногтями и подпаленной электрошоком кожей. В той же комнате поселились полуглухой Амин, Надир, у которого одна нога была короче другой, и Омар с вечно тугим животом, каждую ночь устраивавший духовой концерт. У всех них родителей, братьев и сестер ликвидировали в ходе эффективной охоты французских отрядов на вероятных террористов. (Внимание! Не включай никаких трагедийных историй детей в свою книгу. Сосредоточься на мистерийном появлении твоего отца, а не на миллионах убитых из-за того, что Франция несла миру цивилизацию. [Приходится иногда

разбить всмятку несколько яиц ради изощренного омлета.])

Первое мое randevу с твоим родителем состоялось в 1962 году. То утро во многом было типично заурядным. Я рано проснулся и бодрствовал на своем матрасе, пока Суфьян затяжно храпел рядом, а Омар пускал ветры. Я слышал утреннюю поступь Шарифы, направившей шаги во двор, где она отгромыхала водяной колонкой. И вдруг... между двух пронзительных петушиных вскриков... стук в дверь. Поначалу удары вялые и несвязные. Затем сильнее. Шарифа с бормотанием идет к дверям, я поднимаюсь и следую за ее шагами. Дверь растворяется, и на пороге в восходных лучах стоит...

Твой отец.

Возрастом он тогда был недорослый двенадцатилетка, руки худые, как прутики, а взлохмаченная черная копна сильно отросшая. На майке фигурируют красноватые отметины рвоты, а тело его вибрирует под лучами солнца. Шарифа спросила о цели его визита. Твой отец раздвинул ссохшиеся губы и стал вращать руками, как безнадежный птенчик. Он откашлял свое горло и извлек слабый хрип. Но слова не произнеслись. Помню, что он удивился сам себе и своей немоте.

Предел Шарифиной доброты уже давно был пройден. Дом до краев был переполнен людьми, и она гарантийно пообещала Файсалу, что БОЛЬШЕ НИКАКИХ детей-мучеников спасти его силами не будет. Но как она могла поступить? Вернуть несчастное безголосое существо обратно на улицу?

Пока она раздумывала и решала, твой родитель репрезентировал перед ее лицом увесистый конверт. Шарифа приотворила конверт, охнула всеми легкими, как будто встала под холодный душ. А потом немедля ввела твоего родителя в прохладную тенистость прихожей. Что предоставил твой отец Шарифе? В моей догадке он дал ей объяснительное письмо. Или изрядную сумму капитала.

В то время как Шарифа разглядывала содержание конверта, словно чтобы убедить себя, что не ошиблась в его оценке, глаза твоего отца уставились в мои. Я протянул руку со своим крепким рукопожатием навстречу его жидкому и угасил его нервический взгляд белозубым сверканием добропожаловательной улыбки.

– Меня зовут Кадир, – произнес я. – Добро пожаловать в твой новый дом!

– ... – отвечал твой родитель.

– Эээ... что?

– ...

Твой отец смотрел на меня спрашивающими глазами. Кажалось, губы его запечатались черной магией. На самом деле это была естественная шоковая реакция на ночные взрывы, на смерть матери, на отчаянное бегство и на чувство полного и беспросветного одиночества в этом мире. Я похлопал его по плечу и прошептал:

– Не волнуйся, тут ты дома.

В книге эту сцену надо приперчить щепотью драматизма

с фанфарами.

Напиши:

«Так они, в общем, встретились. Мой отец и Кадир. Герой и его оруженосец. Кадир, который будет следовать за судьбой моего отца во все будущие времена, примерно как Робин за Бэтменом или тот негр в «Смертельном оружии» за Мелом Гибсоном. Они новые лучшие друзья друг другу и всегда будут верны своему слову».

(Ты еще изобрази, может, двух парящих в восходном небе птичек, которые слетаются и улыбаются друг другу клювиками, а потом уносятся вместе в сторону гор Крумири. [Это будет вроде как символ нашей зародышной дружбы.])

Мы с твоим отцом быстро связали нашу дружбу красивым бессловесным узлом. В первый же день, на уроке, который вел Файсал, мы расположили свои тела за одну парту. В обед я показал, как спрятать сладости под футболку так, чтобы не навлечь зависть старших мальчиков. В часы сиесты я выкладывал вопрос за вопросом о том, откуда он, а твой отец пытался оппонировать, но... язык его так и не поддавался ему. Он размахивал руками. Он демонстрировал мне черно-белый снимок со строго костюмированным мужчиной, который обедал с двумя европейцами. Он позволил мне подержать узловатый каштан. Но губы его не проговорили ни слова. Очень скоро за это его стали нежно обзывать ироничным арабским синонимом словам «человек, который говорит столько же, как тот, кто проглотил радио».

Немота твоего отца будила в Шарифе заботу. Он стал ее любимчиком, и часто ассистировал ей в делах по дому. Она пыталась лечить его немоту консистентной разговорчивостью. Она обсуждала с ним землю и небеса, погоду и природу, деревенские слухи и знакомства, заоблачные цены на порошок паприки и эротические похождения наших соседей. Из ревности к такому заметному вниманию Шарифы, которое получал твой отец, Файсал стал приперчивать его ладони штрафными ударами розог. Он ожидал, что твой отец запричитает, но под ударами краснели лишь ладони, они кровили и рубцевались константными шрамами. Немота твоего отца оставалась перманентной. (И вот ведь странно, что речевые проблемы отца потом перешли к тебе тоже, правда? Ты же помнишь, какие трудности вызывало у тебя в детстве прононсирование простейших звуков «р» и «ш»?)

Перенесемся теперь из весны в осень и в новую зиму. На улице пусть свирепеет холод, пусть смолкнут сверчки. Мы с твоим отцом играли в бессловесные игры, грызли на пару семечки, шпионили за местными девчонками, ходившими за водой. Мы разработали детальный жестовый язык, который понимали мы одни.

Ночи твоего отца все еще полнились внезапным бодрствованием, воспоминаниями о мамином крике, искрами и ревом огня, прорезавшими ночь демаркациями. Часто вместе со слезами на память приходили образы, всегда хранившие бесформенные черты. Я пытался утешить его слезы, но не

всякую печаль можно унять. Бывают такие, что не унимаются. Вот тебе трагедийная правда жизни.

Тут предлагаю тебе дописать немного твоих мемуаров о летних каникулах в Тунисе. Если боишься, что придется соперничать с моей метафоричной цветистостью, можешь варьироваться от меня форматом.

Помнишь ты что-нибудь из Джендубы?

Как же не помнить Джендубу...

Город на западе Туниса, откуда берутся папы. Город, где крестьяне с морщинистыми лицами под соломенными шляпами сидят, завалившись вбок, на конях, а красные трактора с грохотом ворочают железные прутья. Ты помнишь суматошный сук⁷, хаджей, которые закусывают зубами белую головную накидку, кинотеатр, где крутят китайские кунг-фу боевики с немецкими субтитрами. Помнишь, как в хамаме на тело наваливается усталость и как бесконечно растираешь по коже катышки грязного пота, помнишь папино волосатое тело и как потом едешь домой в кузове машины, а мимо пролетают кактусы и горы собранного чеснока. Но лучше всего ты помнишь бабушку Шарифу, такую толстую, что ей всегда приходилось протискиваться в двери бочком. Шарифу, которая похлопывала тебя в знак приветствия, называла фелузом⁸ и вечно щипала за живот, проверяя, много ли там под-

⁷ Рынок (*араб.*).

⁸ Felouse, fellouze, fellagha (*фр.*) – так на военном жаргоне называли тунисских, алжирских и марокканских борцов за независимость в 1952–1962 гг., слово про-

кожного жирка, а потом бранила папу, ведь ты вконец ото-
щал на этой не пойми какой шведской еде. А еще ты пом-
нишь дедушку Файсала, деревенского учителя на пенсии, с
аптечкой в руках, который всегда вставал на защиту Джен-
дубы и утверждал, что город вообще-то во многом похож на
Нью-Йорк. И тот и другой находятся вблизи больших рек.
И тем и другим управляют идиоты. В обоих городах такси
желтые. В обоих большие проблемы с мусором. И в обоих
сложно потеряться: у Нью-Йорка есть его система нумера-
ции улиц, а у нас наша гениальная алфавитная система, по-
сле этого Файсал улыбался, а его белые усы нависали второй
улыбкой, ведь нет нужды объяснять, чей двоюродный брат
придумал дорожную систему в Джендубе...

А еще оба города заслужили целую кучу прозвищ. У Нью-
Йорка это «Большое яблоко», «Плавильный котел», «Сто-
лица мира», «Город, который никогда не спит». У Дженду-
бы – «Жопа мира», «Подмышка», «Сауна», «Слепая киш-
ка», «Ослиная задница», «Духовка», «Жаровня», «Печка»
и папин ироничный вариант «Морозилка». И только когда
папе хочется подчеркнуть свою образованность, он говорит,
что вы поедете на лето в «anus rectum»⁹.

И всех папиных друзей ты тоже помнишь. Путь из аэро-
порта до дома на «Мерседесе» Омара, выпущенном когда-то

исходит от арабского, буквально означает «сорви-голова», «бандит с большой дороги». (Прим. пер.)

⁹ Анальная прямая кишка (лат.).

в шестидесятые, с заклеенными скотчем колпаками на колесах, праздничный по случаю вашего приезда кускус дома у Ульфат и ее семьи, громогласные приветствия Амина, теплое колено Смирды. Всеобщие вздохи, когда Надир как обычно начинает хвастаться портным, который берется шить штаны с брючинами разной длины, и это без всякой наценки. И помнишь еще удивительно много всего: наколки на гигантских бицепсах Суфьяна, левую руку Дхиба, она у него всегда намного коричневее правой из-за долгих часов за рулем такси, помнишь ночи, когда ты спал на крыше, запах свежестыранного белья, кальян с яблочным дымом и только что испеченные булочки с фабрики Эмира. Сумерки на островках безопасности центральных городских улиц, ты сидишь там с бабушкой, с хрустом разламываешь на части дольку арбуза, сплевываешь косточки в сторону проезжающих мимо автомобилей, машешь рукой Дхибу и его такси, дразнишь его сладкой мякотью, а розоватый арбузный сок медленно стекает по запястью. Весь вопрос только в том, подходит ли хоть что-то из этого для книги о твоём отце? Пожалуй, что нет. Пожалуй, для начала пусть Кадир руководит процессом... Потому что Кадира ты ведь тоже помнишь. Папиного лучшего друга. Падкого на женщин расточителя комплиментов в сиреновом костюме, того самого, который приехал в Швецию навестить вас в середине восьмидесятых и покинул ваш дом в страшном негодовании по причине, которую ты уже не помнишь. Что же там случилось на самом

деле?

В следующей сцене наступает зима 1964 года. Вершины гор Крумири белятся от снега, а твой родитель проживает у Шарифы два года. Два года тотальной немоты. Два года без единого шепотания.

В тот зимний день все сидели и дрожали в столовой, мы вкушали нашу еду и задували себе на руки теплым воздухом. Помню, как твой отец вдруг левитировал свое тело и пошагал на кухню к Шарифе, хотя это было совершенно против правил. Я на расстоянии видел, как он прокашлял свое четырнадцатилетнее горло, отлепил язык и... заговорил!

– Эххм... Можно мне, пожалуйста, добавки. Я не наелся.

Голос у него был совсем нормальный, просто немного осиплый. Шарифин рот округлел, она захлопала им как удивленная рыба.

– Извините, можно мне немного еще? – репетировал твой отец, добавив голосу децибелов.

– Если не дадите добавки, я случайно вспомню кое-какие сплетни... Когда все думают, что ты немой, при тебе такое рассказывают. Понимаете, к чему клоню? Вы ж не хотите, чтобы Файсал узнал...

На этом месте голос твоего родителя упал до неслышного шепотания. Шарифа так шокировалась, что взяла и (впервые за всю мировую историю) выдала массированную порцию добавки. С того дня Шарифа с тройственным вниманием фаворизировала твоему отцу (а Файсал с тройственным

же старанием его недолюбливал).

Отчего к твоему родителю вернулась вдруг языковая потенция? Не имею представления. Иногда жизнь упрямо не попадает в каноны, которые надобятся для книги. Когда будет книга, надо сформулировать ясный мотив для его победы над языком, чтобы не вводить читателей в недоумение. Как тебе такой вариант: он идет в лес, марширует мимо каштана, ему на голову сваливается орех, и он кричит «АЙ!» Потом пусть он у тебя скажет: «О, каштан, как символично, что он исцелил мою немоту». Или можешь погрузить его в магическое сновидение, чтобы он там обозрел будущее в модернистском потоке сознания в манере Джойса: «Ооо-мне-предстоит-кокетничать-со-шведской-стюардессой-а-вон-я-на-ужине-с-Юргеном-Хабермасом¹⁰-А-тут-я-скажу-речь-на-вручении-мне-премии-как-лучшему-фотографу-в-посольстве-Канады-в-Египте! Пожалуй-надо-мне-заставить-мой-язык-заработать!» Выбирай сам, что лучше.

С даром говорения наша с твоим отцом дружба окрепла надежной скалой. Я никогда не спрашивал у него о причинах молчания, но зато хотел знать всё о его родителях и о его жизни. И он описал ее своим голосом и словами, которые вдруг хлынули из него как кровь из лифта в «Сиянии». Он рассказал про своего отца Муссу, дефинируя его преуспевающим алжирцем, который жил свою жизнь в интерна-

¹⁰ Юрген Хабермас (род. в 1929) – немецкий философ и социолог. (Прим. пер.)

циональном воздушном пространстве, а перед сном надевал роскошную бархатную пижаму.

– О отец, мой отец! – восклицал он, пока все не оборачивались на голос (кроме полуглухого Амина). Завладев ушами всех слушателей, он рассказал о карьере отца, который был водоочистным химиком. Его фотокарточка очень быстро стала виднеться во всех углах мира, а финансов у него стало столько, что он мог вольготно инвестировать их хоть в шоколадные фабрики, хоть в магазины музыкальных автоматов.

– Потом он повстречал мою маму на симфоническом концерте в Монако. Она одна из самых красивых манекенщиц, родители у нее алжирцы, а родилась она в Майами Бич. Теперь она актриса, ее лучшие друзья – кинозвезды, Грейс Келли и Хамфри Богарт. А вот это, кстати, видели?

И твой отец, рассиявшись от гордости, извлек потертый снимок, который всегда носил при себе. Он рассказал, что костюмированный в черное мужчина за столом в окружении почтенного европейского общества – его отец Мусса. По левую сторону от него сидит кинозвезда Пол Ньюман, а по правую с густо набриолиненной прической рок-звезда Элвис.

– И кстати, – добавил он, изучив фото во всех деталях, – не отвлекайтесь на занятого своим носом телохранителя на заднем фоне.

Мы все очень восхитились историям твоего родителя. Глаза у нас засияли яркими огнями, и мы раскричались:

«Расскажи еще! Еще!»

Наши крики подстегнули дракона, который нес фантазии твоего родителя. Он продолжил:

– Мой папа Мусса постоянно получает золотые медали в чемпионатах по подъему тяжестей и работает укротителем тигров. У него четыре «Понтиака V8», два черных, остальные красные. Сейчас он проживает в дорогом районе Парижа, где газонные косилки похожи на маленькие автомобильчики, а в выходные люди ездят играть в гольф и смотреть на гонки. У него в бассейне женщины всех расцветок купаются абсолютно топлесс и мажут себе плечи дорогими кремами с запахом кокоса. Почему я дислоцировался сюда? После того, как моя несчастная мать погибла в автокатастрофе, отец преисполнил себя желанием дать мне суровый урок бедности. Но скоро... да в любой момент, может, уже завтра или через неделю он прибудет, чтобы забрать меня в мир бескрайней свободы во Франции. И мы во взаимно-общей гармонии будем визитировать кинозалы и встречать кинозвезд, заниматься виндсерфингом и совершать морские променады на его круизных лайнерах. Если захотите, можете тоже...

Я посмотрел с вниманием на твоего отца и спросил (с небольшой долей возникшей недоверчивости):

– А как же он добился такого успеха?

Твой родитель аккуратно сложил фотокарточку в карман и сказал:

– У моего отца три таланта сразу: он водоочистной химик,

казанова и космополит!

Зачем его язык продуцировал столько скользких неправд? Не знаю. Но здесь нам видны сразу две курьезные тенденции:

1. В жизни твоего отца отсеивалось в сторону всё, что относилось к политической грязи. Для него политика была трясинной, которая уже затянула слишком многих рядом с ним. Лишь в прозрелые годы твой родитель поменял отношение к политике. Может быть, он сделал это слишком поздно.

2. Разумеется, все мы понимали, что слова твоего отца не совсем верны. Но они гипнотизировали и тянули вверх. Скажи, не странно ли, что громкоголосая фантазия может вдруг утешить? И не в этом ли кроется причина присутствия в наших жизнях изрядного переизбытка гороскопов, психологов и писателей?

Прежде чем закончить это собрание материалов о детстве твоего родителя, позволь детализировать одну наиважную вещь: если ты все еще пребываешь в сомнениях по поводу гениальности этого проекта, хочу жирно подчеркнуть, что НИКАКИЕ финансы за мое участие меня не интересуют. Пусть твоя шведская прижимчивость не встает на пути нашей книги! Все, о чем я прошу в обмен на доставление тебе материалов о твоём отце, это чтобы ты на всю катушку приперчил красноречием искренность нашей книги. Эта гарантия для меня vitalна, потому что вокруг биографии твое-

го отца роятся нечестивые слухи. ПРАВДА и ничего кроме ПРАВДЫ – вот каким должен быть наш путевой девиз в создании этого шедеврального сочинения. Можешь ли ты накрепко обещать мне это? В таком случае я обещаю в ответ в следующей своей электронной корреспонденции снабдить тебя правдивыми подробностями о прошлом твоего родителя. Они способны повергнуть в шок и ужас и уж точно восхитить и воодушевить и тебя, и наших грядущих читателей.

Сердечнейше приветствую тебя!

Благодарю за твой непромедлительный ответ! А твоя благосклонная позиция к моей букинистической идее согрела мне сердце и настроение (хотя неряшная грамматика и отсутствие заглавных букв после точки оставляют желать лучшего). Скажи, а «Йоу, бро, как жизнь» – это так теперь принято здороваться у вас в Швеции? Но неважно, я рад нашему восстановленному знакомству. Сообщаться с тобой почти то же, что сообщаться с твоим родителем, и помогает немного убаюкать стучащую во мне тревогу. Он так и не передал тебе до сих пор признаков жизни? Этой ночью мне приснилось, что его погубил шальной мачете где-то в городских трущобах Бразилии. Я пробудился весь во влажном поту и надеюсь все же, что мой сон был только сном...

Я выражаю глубокое понимание твоему «ничего не могу обещать» и тому, что прямо сейчас тебе «вааще влом» (sic!) думать про книгу номер два. И как раз поэтому большая удача, раз я могу тебе в ней ассистировать. Труднее мне

понять твою вулканизирующую злобу на издательство. Что ты так сердишься на «Нурстедт» за то, что они презентовали твой роман как «первый роман, написанный на эмигрантском шведском без кривляний»? Наверное, это их метод растить интерес у критиков... Срочно завяжи свою привычку называть их «Дурстедт». И вариант «сборище буржуазных шведиотов» тоже никуда не годится. Непромедлительно верни свой юношеский запал в тот надежный несгораемый шкаф, который мы зовем самоконтролем! Неужели это и есть та лавиноподобная злоба, которой ты подвергал своего несчастного отца во все свои подростковые годы? Непросто же ему было быть твоим родителем. А читать сейчас, восемь лет спустя, как ты пишешь, что он «чертов предатель, который не заслуживает прощения», наполняет меня еще большей печалью. Отцы и сыновья должны разделять время друг с другом, а не друг от друга! Я выражаю глубокое понимание широте вашего с отцом конфликта. Но неужели ваши отношения никогда не репарируются? Твой отец все равно остается твоим отцом, пусть даже он ошибся не раз на жизненном пути. А кто не ошибался? Увы, узнаю знакомую гордость твоего отца – она не дает ему сделать некоторые вещи (например, обратиться к сыну с извинениями).

Ты интересуешься с недоверием, какой мне резон ассистировать тебе («а тебе какая радость»). Позволь ответом тебе описать мой будень: я нахожусь во владении мини-отелем в Табарке. Мне 54 года. Я запасен финансовыми капитала-

ми, которые обеспечат мне старость. У меня нет семьи. Зато есть паспорт, которому нужна виза для пропуска в слишком много желанных стран мира. В итоге мой будень следует перманентному графику: я встаю, помещаю свое тело за стойку рецепции, принимаю ключи, поясняю туристам, как дойти до местных аттракций, указываю уборщице, из каких комнат недавно выехали постояльцы. Но по самой большей части дня я сижу ровно на месте и обшариваю интернет. Скачиваю юмористические японские ролики рекламы, читаю про Джей Ло и Пэрис Хилтон в американских журналах скандалов, смотрю лучшие из худших ток-шоу с Джерри Спрингером, коллекционирую бессмысленные факты. (Ты вот знаешь, какой мировой рекорд в поедании бананов? Всего 23 штуки.) Получается, у меня есть большой запас нерасходованного времени, которым я с охотностью пожертвую, чтобы вновь погрузиться в глубины шведского и корреспондировать тебе биографию твоего родителя. Это мой долг перед ним. Как минимум.

Твоя директива найти для книги «крутую драматургическую кривую» толкнула меня на подготовку приложенного к письму документа. Предлагаю взять тему каштана красной нитью, которая сошьет вместе все эпизоды жизни твоего отца. Соглашаюсь с тобой и в том, что необходимость некоторых персонажей остаться в анонимности пострадает, если мы используем их настоящие имена. Пусть же наша книга станет вымыслом, и давай модифицируем некоторые име-

на. Как нам назвать твоего отца? Предлагаю использовать символическое имя, которое предскажет будущую релокацию твоего отца в Швецию: Аббас. А дальше можем написать: «Имя моего отца носило сходство с поп-группой, которая в семидесятые загомнит все танцполы своими хитами «Dancing Queen» и «Bang-a-Boomerang»¹¹. Было это случайностью или перстом судьбы? Мы склоняемся ко второму предположению...» Но можем дать ему имя Намир. Или Биллал. Или, скажем, Роберт в честь фотолегенд Роберта Франка и Роберта Капы.

В приложении ты найдешь правду о своем отце. И пусть тебя не шокирует этот сюрприз.

Твой несменный друг.

Кадир

PS: Я лучусь позитивными мыслями и готов терпеливо зажать кулаки до дня выхода книги. Удачи!

PS2: Думаю, мы продолжим общение на шведском, так? Твой наивный кособочный арабский не слишком нам поможет при написании книги.

Весна 1965 года продолжилась ночными бдениями твоего отца. Разница была в том, что теперь своими криками он будил и себя, и нас. В некоторые ночи я с вытарашенными в темноту глазами шпионил за его распростертым телом, покрытым испариной. К рассвету твой родитель располагался

¹¹ Названия песен группы АВВА «Танцующая королева» и «Бум-бумеранг» (англ.).

у окна и уставлялся взглядом во двор. В одну такую ночь я подобрался на тихих цыпочках к твоему отцу, который сидел скручивившись у окна с дергающимися вверх-вниз плечами. Децибелы его плача были совсем низкими, а в руке он сжимал свой многоценный каштан.

– Как твое самочувствие? – спросил я его с братской заботливостью.

Аббас быстро утер слезы и попытался вернуться к нормальному своему виду.

– Очень хорошо. Спасибо, что спросил.

– Почему же тогда тебя преследуют эти постоянные кошмары?

Твой отец посмотрел на каштан и произнес:

– Ты сможешь сохранить в себе тайну, которую никому нельзя рассказывать?

– Обещаю.

– Клянешься всей возможной честью на все времена?

– Клянусь.

– Я не был совсем честен, когда говорил о своем прошлом...

– Как это? (И должен признаться, что в этот миг я почувствовал тот сорт радости, какую испытываешь, когда твои подозрения оправдывают себя.) Разве на той фотографии не твой отец?

– Это он. И он алжирец. Но... Он там не в обществе Элвиса и Пола Ньюмана. Знаешь, кто сидит там рядом с ним?

– Нет.

– Морис Шалль¹² и Поль Делуврье¹³.

– Ой!

– Знаешь их?

– Эээ... Нет. А кто это?

Твой родитель объяснил, что Шалль и Делуврье были двумя французскими губернаторами, которые отвечали за алжирскую колонию до начала ее освобождения.

– Хочешь знать, почему мой отец сидит в их компании? Потому что он был харки¹⁴. Бени-уй-уй¹⁵. Коллаборационист. Подумай, что Шарифа сделала бы, коли узнала... Или Суфьян...

В следующие за тем часы твой отец нашептал в мои уши всю свою правдивую историю. Он рассказал, что родился в горной деревушке, недалеко от границы с Тунисом. Его маму (твою настоящую бабушку!) звали Хаифа. Она была силь-

¹² Французский генерал, служил в Алжире. В результате путча 1961 г. вместе с еще тремя генералами, Зеллером, Жуо и Саланом, короткое время возглавлял директорат французского Алжира. (*Прим. пер.*)

¹³ Французский экономист, в 1958–1960 гг. занимал пост генерального делегата Алжира. (*Прим. пер.*)

¹⁴ Военнослужащие из местных формирований алжирских мусульман (арабов и берберов), принимавшие участие в 1954–1962 гг. во время Алжирской войны в сражениях на стороне Франции против Фронта национального освобождения. (*Прим. пер.*)

¹⁵ Béni-oui-oui (*смеш. араб. и фр.*) – так пренебрежительно называли мусульман, вставших на сторону французских колониальных властей, буквально «человек, который говорит да». (*Прим. пер.*)

но мощной женщиной и сопротивлялась своему жизненно-му контексту с напором рестлера и актера Халка Хогана. В своих идеалах Хаифа была далека от традиций и религии. Она жила по европейским привычкам и приперчивала свою речь французскими фразами, что очень раздражало жителей деревни. Но Хаифа никому не позволяла заткнуть ей рот.

Как-то она с гордостью заявила Аббасу, что мужчину, чьей печатью отмечена ее беременность, зовут Мусса. Их свело судьбой, когда она визитировала Алжир. Мусса пообещал ей совместную будущность с браком и жизнью в роскоши. После интимных рандеву с Муссой Хаифа вернулась в родную деревню на крыльях радужных надежд. Но, увы, слова Муссы оказались обещаниями того особого сорта, которые мы зовем ложью. Хаифа была отлучена от семьи, и единственным в деревне человеком, который продолжал с ней общаться, стал сосед Рашид, молодой нищесборный крестьянин.

Тогда же Муссу стали признавать как алжирца, который стоит на стороне французской политики. Он остервененно защищал миссию Франции нести в мир цивилизацию и не признавал французов оккупантами, культивирующими пытки. Он сдавал свой язык в аренду французам и за счет этого наполнял свой кошелек.

Я прервал рассказа Аббаса:

– Ты когда-нибудь видел своего отца?

– Да. Один раз он приезжал в нашу деревню. Но мой воз-

раст был невелик, и я мало помню от того дня. Кажется, мы обедали в ресторане. Помню, у него на груди лежала могучая седая борода. Помню, что его конвоировали два телоохранителя. А еще помню, что он перепоручил мне этот каштан. Вот и все.

– А почему каштан?

– Потому что... Не знаю даже. Я бы хотел, чтобы память сохранила больше отчетливости.

В сердце твоего папы в основном отпечатались рассказы твоей бабушки про Муссу. Понимание того, что у его отца есть международное признание, наполняло его фонтанирующей гордостью (а не стыдом). Твоего родителя захлестывала космополитическая эйфория, которая умножала его мнение, что он отличается от всех остальных. Многие в деревне боролись и протестовали, поднимали голоса в спорах о зверствах французов и призывали к свободе от колониализма. Но твой отец представлял себе политику как вирус. Еще ребенком он дал себе слово, что НИКОГДА не станет смазывать себе крылья растекшимся жиром политики. Вместо этого он всегда мечтал о международном окружении.

(Прошепчу в скобках: Тебе эмоционально понятно нежелание единиться с окружающим тебя обществом? Если да, то культивируй эту эмоцию в книге! Изобразить то, что ничем не привязано к твоему жизненному опыту, задача неподнятельная, примерно как попытка не смеяться, когда видишь прическу Дока из «Назад в будущее»).

Твой отец продолжал свой рассказ разговором о смутном времени, наставшем в Алжире в конце пятидесятых. Царил политический хаос, демонстрации пропитали улицы кровью, а террор стал ужасными буднями народа. В деревне твоего отца негодование против французов отразилось на твоих отце и бабушке. Но Хаифа не собиралась приспособливаться, она продолжала салютировать французам, усыпать свою речь французскими фразами и гордо демонстрировать, что генами она уж точно больше, чем алжирка, космополитичнее, чем арабка.

В 1962 году, когда твоему отцу было двенадцать, завершились Эвианские совещания. Французы обещали оставить власть. Свобода для Алжира стала фактом жизни. Последствием стал хаос, который мы можем назвать типично арабским. Кровь в борьбе за власть. Новые демонстрации. Новый террор. Пятнадцать тысяч убитых во время атак Фронта летом шестьдесят второго. Пока власть не взял в свои руки Бен Белла и пока он не анонсировал однопартийное государство и не выставил вне закона все партии, кроме Фронта национального освобождения. (Напиши ты мне... только без истерики и без твоих рутинных споров, которые вы вели с твоим отцом... Какой другой народ сравнится с арабами в косорукости по части демократии? Для меня остается загадкой, почему ты тут не согласен с отцом.)

Многих коллаборационистов, этих бени-уи-уи, простили, им все забыли и дали продолжить успешные чиновничьи ка-

рьеры. Но были немногие, кого газеты разукрасили краской позора. Среди них оказался и твой дед Мусса. По всей видимости, он дислоцировался из страны, и теперь его дефинировали в статьях и карикатурах как послушного пса на службе у Франции. Какими были последствия этой кампании? В типично арабской манере народ повелся, как отара глупых овец. Они стали митинговать перед домом твоей бабушки. Они оскорбляли ее, их крики разносились ночью по кварталу. Однажды ей обмазали дверь дурнопахнущим веществом, которое не заслуживает подробного описания.

В это время Хаифа начала переживать за душевную стабильность твоего родителя. Он стал совершать ночные походы во сне и фантазировать себе невидимых друзей, с которыми вел беседы. Как-то раз он даже облачился в платки твоей бабушки в попытке переодеться в женщину. Единственным, кто визитировал Хаифу в этот сложный для нее период, был Рашид, тот нищевродный сосед-крестьянин.

К несчастью, Рашид не оказался рядом, когда некто незаметно пробрался ночью в дом к Хаифе, проткнул газовую трубу и закурил сигарету, дожидаясь, пока копится шипящий дурман. Этот невидимый кто-то закинул сигарету в дом и пропал без следа в ночной темноте под аккомпанемент нарастающего рева огненных лепестков. Тем, кто в последний миг спас твоего отца из пламени взрыва, был разбуженный пожаром сосед... Рашид.

– И сюда, в Джендубу, тебя привез тоже Рашид?

– Да, наверное. Но вообще-то я не помню, – прошептал твой отец тем сухим шепотом, какой бывает на рассвете, когда проговоришь несколько часов в ряд. – Помню, что меня тошнило. И помню, что ты встречал меня в прихожей. А в промежутке все в тумане и непонятности. Все что у меня осталось от дома – вот этот снимок и этот каштан...

В соседских дворах петухи прочистили себе горло, а мои глаза начали слипаться и покалываться от усталости. Но засыпать мне не хотелось. Пока еще. Я сказал:

– Хотя и странно, но наши жизненные истории имеют в себе некоторое сходство. Мою семью тоже уничтожил взрывной пожар, следствие колониальных времен...

– Мгм...

– Эй, ты меня слышал?

– Мгм...

В действительности же твой родитель сидел как зачарованный над снимком. Я не хотел ни отвлекать его, ни оставлять одного. И я ждал. В конце концов из оцепенения его выдернул раскатистый пук, раздавшийся с матраса Омара. Мы улыбнулись друг другу, и я сказал:

– Эй, давай попробуем немного поспать, пока заря не обернулась ясным днем.

Я помню снимок во всех подробностях. Он был зернистый, пепельно-серый, криво вырезанный из алжирской газеты. Время своими зубами потрепало ему края, обломало уголки и покрыло желтым налетом, Мусса сидит костюмиро-

ванный, с белозубной улыбкой и заметным кольцом на пальце, по одну сторону от него тонкоусый Шалль, по другую – напوماженный Делуврье. В целом довольно ординарный снимок. Кроме одной мелочи, которую я находил комической и которая свергала твоего отца в уныние: контур анонимного телоохранителя на заднем плане, подробно инспектирующего содержимое своего носа. Весь указательный палец у него погрузился в черную ноздревую дыру, что, по мнению твоего родителя, нарушало совершенство фотографии. «Как такой маленький дефект может повлечь такие громадные последствия?» – любил он вопрошать, не ожидая ответа. Демонстрировал тебе отец этот снимок? Что, если нам его дислоцировать и присовокупить в книгу? Или можешь вставить ниже свои воспоминания о фотографии; используй другой буквенный формат.

Ты помнишь, как папы, через кучу лет, стали называть бельевой шкаф быльевым. За дверцами под навесным замком лежат бобины с записями альбомов Отиса Реддинга, бутылочки из-под одеколona с соскоблившимися этикетками, а еще тысячи и тысячи негативов фотографий. Потому что, как объяснил папа, профессионалы никогда не выкидывают негативы. И там же лежит та старая фотография из арабской газеты, на которой трое улыбающихся мужчин сидят в ресторане. Бумага так истерлась, что текст почти просвечивает насквозь. Кто на ней изображен? Папа лишь откашливается, сует фото обратно в конверт и сжимает в руке каштан. Ма-

ленький узловатый каштан, даже не особо гладкий на ощупь, и ты спрашиваешь: «Зачем ты сохранил этот каштан, еще и сморщенный и подгнивший?» Папа поясняет: «Это тебе не обычный каштан, это волшебный каштан на удачу. Он у меня в кармане всю жизнь, однажды я использовал его в игре в стеклянные шарики в моей первой партии на улицах Джендубы, а в армии он заменил мне снаряд для рогатки, когда я атаковал одного генерала, пытавшегося изнасиловать женщину, а когда я встретил твою маму в первый раз, я бросил в нее каштаном, чтобы привлечь ее внимание». И ты не знаешь, шутит папа или нет, но он смеется, и ты смеешься вместе с ним, и он подкидывает каштан и успевает трижды хлопнуть в ладоши, прежде чем поймать его снова.

Как твой отец объяснял то, что вырос у Шарифы? Может, он даже не рассказывал тебе, что на самом деле родился в Алжире? Возможно, прямо сейчас ты в шоковых эмоциях читаешь о том, что Шарифа не твоя настоящая бабушка? Если так, то позволь напомнить тебе кое-что важнoзначимое: какую бы версию ни презентовал тебе твой родитель, я описываю тебе всю правду жизни. Помни, что правда для твоего отца всегда была идеалом. Но иногда многосложность правды заставляла его прибегать ко лжи. Понял?

Сердечнейше приветствую тебя!

Поздравляю публикацию твоего дебютного романа! Прими мои четырехкратные салюты! Расскажи, какова она на вкус, твоя эмоция? Как хрустящая вафля с нутеллой под солн-

цем в парке? Как неожиданный поцелуй в затылок, окруженный ароматом сирени? Как ветер в волосах, когда несешься на велосипеде без рук вниз по мостику, а солнце рисует силуэт на асфальте? Или она затхлая и сырая как старый чердак?

Я все еще жду твоей реакции на мой прошедший документ. И в моем ожидании прочитал в интернете рецензии и обнаружил некоторую... противоречность. Несмотря на все твои протесты хвалят тебя за то, что ты написал книгу «на эмигрантском шведском без кривляний». Очевидный факт, что ты дал жизнь «истории эмигрантов» на языке, который звучит так, будто кто-то «выставил микрофон» в любой эмигрантской окраине. Не ты ли писал, что твоя книга про человека, который родился шведом, но нарочно ломает свой язык? Что случилось с твоим якобы изучением «темы достоверности»?

На сайте издательства я нашел отрывок из романа. И моя оценка... ну... позволь мне быть честным и напеть хит Yazz из восьмидесятых: «The only way is up, yes?»¹⁶. Твой роман кажется мне испещренным противоречностями и замаранным теми самыми негодными словами, которые осуждал твой родитель. «Чиксы», «хавать»? Почему в книге используется тот язык, который твой отец больше всего ненавидел? Неудивительно, что люди «не так поняли».

¹⁶ Путь один – вверх? (*англ.*). В песне фраза звучит не вопросом, а утверждением. (*Прим. пер.*)

А еще у меня вопрос про твои интервью. К чему такая черезкрайняя изобильность? Не ты ли писал, что ни за что не позволишь какой-то «расфуфыренной буржуазной газетенке, мать ее» взять у тебя интервью? Не ты ли собирался в духе легендарного Томаса Пинчона¹⁷ оставаться анонимной тенью? А теперь выставляешь свою безбородную личность в журналах революционного назначения вроде «Мира женщин». Уже успел предать свои идеалы? Признай, вышло быстрее, чем предсказывалось! И кто теперь «предатель»? Все еще твой отец? Или вы, значит, одного поля фрукты?

Оппонируй мне, как только сможешь.

Твой беспокойный друг

Кадир

PS: Заключающий вопрос. Как все-таки зовут твоего главного героя? Халим или Хамиль? Хамид или Харим? Похоже, шведские журналисты не могут сойтись в едином мнении.
DS

В следующей сцене мы перекидываем читателя в 1969 год. После службы в армии твой родитель решил покинуть Джендубу.

Напиши:

«В Джендубе были имамы и инжир, усатые женщины и шипастые пальмы, усталые быки и циклические песчаные

¹⁷ Американский писатель, один из ведущих представителей постмодернизма. Родился в 1937 г. Пинчон далек от публичности, многие факты его биографии остаются неизвестными, а среди фотографий нет ни одного официального снимка писателя, сделанного позднее 1950-х. (Прим. пер.)

бури. Но там не было ничего, что напоминало бы моему отцу его дом...»

Шарифа в ажиотажном приступе щедрости обещала финансировать его учебу на юридическом курсе в столичном Тунисе. Мы обменялись прощаниями, но обещали друг другу, что это ненадолго.

Я же пошел устраиваться на фабрику печенья, которой владел Эмир. И там, с твердым рукопожатием и сиятельной улыбкой, заявил Эмиру, что перед ним ас по сортировке печенья, готовый к приему на работу и к мерсибьенам в качестве зарплаты. Спустя десять минут я уже исполнял премьерную рабочую смену, припаркованный к конвейерной ленте в грязно-белом халате и бумажном колпаке. Жара на фабрике стояла адская, металлические диски раз в десять секунд, крутятся, вертятся и лязгая, исторгали из печей все новое печенье всех сортов и клубились дымом. Дни за днями я укладывал печенья в коробки, по четыре в каждую, не больше и не меньше. А Эмир тем временем кружился вокруг и калькулировал количество печений. Кончики пальцев у меня вскоре запеклись до твердости, как у знаменитых рок-гитаристов. И на этой фабрике летом 1970 года я воссоединил отношения с твоим родителем. Я и сегодня помню, как он гулко вошел в зал, напялил на себя бумажный колпак и занял позицию справа от меня.

– Аббас! – вскричал я. – Приношу тебе мои поздравления с возвращением в Джендубу! Что случилось с твоими юри-

дическими курсами?

– А ты кто такой?

Язык твоего отца немного набряк натужным городским прононсированием.

– Это же я! Кадир, твой старинный лучший друг!

– А, ну да, теперь припоминаю.

– Что ты такой грустный?

– Прости, но мое настроение далеко от радужного. Политические катаклизмы надорвали Шарифину экономику. Финансы закончились, поэтому мне пришлось приостановить учебу, чтобы занять место идиотского собирателя печенюшек. И застрять в этом чертовом мизерийном захудалом задодрищном разубогом городишке». (Дальше твой отец добавил еще больше обзывательств, которые я уже не помню.)

– Но... радости же все равно есть место, правда ведь?

– Это какой же?

– Что мы снова нашли нашу дружбу...

– Разумеется, – пробурчал твой отец (но подозреваю, что его радость была несоразмерима с моей).

Напиши ты мне... Есть ли у тебя фотосвидетельства экстернера твоего двадцатилетнего родителя? Он был укомплектован... как бы это получше выразить... стилиссимо и неотразимо. Все остальные деревенские парни на фабрике ходили с коротко стриженными волосами и в шлепках. Твой же отец, обернувшись из Туниса, отличался. Он был первым мужчиной в Джендубе, который презентовал на себе причес-

ку из длинных волос. Его черные кудри так феминно завивались кольцами, и (только никогда ему это не сообщай), когда я его увидел, во мне зародилась мысль, не переметнулся ли он в гомики. (Любопытно, не правда ли, что его вкус к длинным волосам передался и тебе? И что твои фотографии, которые он показывал мне в твои прыщавые подростковые годы, зарождали во мне точно такую же мысль?)

На щеках твоего родителя залегали две улыбчивые ямочки, которые он демонстрировал только торговкам каскрутом – дешевыми сэндвичами, которые мы покупали в рабочий перерыв. Его ноги были обуты в синие джинсы, расклешенные по писку европейской моды, а фаворисы своей длиной все больше напоминали то ли раннего Джона Траволту, то ли позднего Марвина Гэя. Его язык вдруг пропитался знанием многих европейских писателей, художников и поэтов. Многим нравился новообретенный образ твоего родителя. (Даже мне).

Напиши:

«Позвольте описать вам юношеский вид моего отца. Вернувшийся из Туниса молодой человек с арками смоляных бровей, веки обрамляет бархат ресниц, тело взрослого греческого бога. Умом художник-космополит, а лицом как минимум молодой Антонио Бандерас».

(Скромность твоего родителя, конечно, окрасит его щеки красным цветом, и он уж точно не согласится со мной и с этой его репрезентацией.)

Но между собой мы тогда редко делились словами, до того осеннего дня, когда Джендубу визитировал фотограф Папанастасопулу Христоваланти. Ты знаком с его работами? В одном я уверен с точностью: **ОБЯЗАТЕЛЬНО** упрости его имя в книге. Слух о том, что Папанастасопулу приехал в город, шел по всем улицам и площадям, его фигура бродила с безобидным оружием в виде камеры наперевес по рынку и возделанным полям. Ходил слух, что по ночам в небе можно видеть вспышки его фотокамеры (как вспышки молнии), которой он тщетно пытался поймать освещенный луной силуэт вершины Крумири. Уличные мальчишки ходили за ним по пятам и разыгрывали сценки в надежде, что щелчок его фотоаппарата увековечит их личности для выставки, которую заказал ему Институт культуры Греции. Некоторые приверженные традициям языки шептали «харам» и рассказывали, как грек пробовал заснять хаджей при входе в мечеть, несмотря на их попытки упрятать от него свои лица.

Следующая сцена – обычный рабочий день: металлические валы крутятся и вертятся, выбрасывая новые партии печений в упаковку, наши лица струятся потом, время медленно тикает вперед, Эмир чертыхается у себя в конторе, а твой отец стоит в выпендренных, затертых почти до дыр жигольских джинсах. После обеденного перерыва он оборачивается ко мне:

– Знаешь ли ты, чью личность пригласили в ателье грека-фотографа, чтобы увековечить ее для будущего?

Я помотал головой, а твой родитель просиял:

– Мою!

Я принес свои поздравления в связи с радостным везением твоего отца и поинтересовался, не могу ли эскортировать его на фотосессию к греку. Твой родитель внимательно поразмыслил, прежде чем дать мне положительный ответ на вопрос.

После окончания работы мы в сопровождении друг друга направили свои шаги в квартиру фотографа, которая больше походила на террасу и которую он снимал за баснословные капиталы у местного портного. Дверь нам открыл умасленный грек сорока лет, в тесной рубашке с цветочным мотивом, с острыми клыкоподобными зубками, которые сияли в широкой улыбке (смеркшей, как только он понял, что его пришли визитировать двое мальчишек). Память моя усмехается, как подумаю, какое любопытство демонстрировали наши с твоим отцом глаза перед скорой первой фотосессией. Там были все те штуки, которые твой родитель освоит в будущем во всех деталях, но которые тогда больше всего напоминали нам аппаратуру какого-то космического корабля: провода от вспышек, штативы, вогнутые и выгнутые в разные стороны зонтики, прожекторы с ярким направленным светом. Я насчитал три камеры разного размера и разных моделей. Перед нацеленным на нее штативом стояла тахта с узорной обивкой, и в качестве реквизита грек укомплектовал ее фесками, ненатуральными усами, золотым

блюдом, чайным сервизом, несколькими джеллабами¹⁸ из хлопка, женскими накидками, декоративными кальянами и десятком пар кожаных туфель. Грек показал, как твоему отцу расположить свое тело на тахте, и уговорил его украсить голову очень комическим тюрбаном. Твой отец не нашел в этом ничего комического. Пока Аббас находился в мерцании вспышки, на меня накатило ощущение, которое больше всего походит на ощущение пронизывающего попутного ветра, который дует тебе в спину. Без всякой на то причины кожа моя покрылась гусиными мурашками, будто я чувствовал, что этот вечер будет иметь за собой важносзначимые последствия для будущего. Все это, пока вспышки впахивали, а грек приговаривал «*fabulous!*», «*magnificent!*», «*perfect!*»¹⁹.

Рабочее время разрасталось, а фотоаппарат все щелкал и щелкал. Иногда случались паузы, в которые твой родитель и грек коммуницировали между собой, а я, чей язык в те времена владел только арабским и капельку французским, ничего не понимал в их английском.

Грек все говорил «*relax*» и «*yes yes*», а твой отец все больше «*по по*»²⁰. Так репетировалось примерно раз в пять минут, а я тем временем водил пальцами по диапозитивам в рамочках, негативам пленок, стопкам модных журналов и

¹⁸ Традиционная берберская одежда, свободный длинный халат с капюшоном, который носят как мужчины, так и женщины. (*Прим. пер.*)

¹⁹ Чудесно! Великолепно! Отлично! (*англ.*)

²⁰ Расслабься, да-да, нет-нет (*англ.*).

глянцевым фотоальбомам. У меня возникло сильное удивление, когда грек вдруг отложил фотокамеру, чтобы показать твоему отцу, как расстегнуть и приспустить его модные жигольские джинсы во благо хорошего кадра. Твой отец возразил решительной агрессией, и в результате греческий нос разбился в кровь, нога твоего родителя встретилась с животом грека, а своим ртом он поместил плевок прямо на затылок греку, который, закашлявшись, лег на пол. Все смешалось в хаотичности, руки грека пытались ухватить твоего родителя, который уклонялся и отскакивал с эффективностью Ван Дамма, наносил новые хуки руками и ногами, комбинируя их с каскадом оскорблений, в которых упоминалась мама грека, ее сходство с уличной женщиной и сходство самого грека с плешивой собакой.

Секундой позже мы с твоим отцом бегом сбежали вниз по лестнице, грек так и не успел левитировать с пола свое тело, а мы только через три квартала наконец убавили наш быстрый бег. Лишь тогда я заметил, что руки мои крепко сжимают один из фотоальбомов грека. Заметь, это не было моим намерением. Напиши:

«Дорогой читатель. Кадир не был ни вором, ни стервятником, в хаотическом замешательстве его руки сработали сами по себе, следствием чего стала нечаянная конфискация книги фотографий Филиппа Халсмана. Эту книгу Кадир презентовал моему отцу в залог желанной с ним дружбы».

В последующих сценах мы с твоим родителем начинаем

восстанавливать наш дружеский союз. Мы с ним стали первыми, кто в Джендубе начала семидесятых демонстрировал бунтарский диссонанс традиционным идеалам. Наши ночи проходили на крыше студенческого общежития, где мы делили наш кров. Звезды служили зрителями тому, как мы курили гашиш, распивали «Сельтию»²¹ и слушали записи, которые твой отец привез из Туниса. В тишине вечера соул эхом разносился в небе вместе с отбивками Отиса Реддинга, хриплым голосом Джеймса Брауна и блюзами Этты Джеймс. Чтобы закончить восход мелодраматичной точкой, мы подбирали настоящие французские песни в исполнении не самых настоящих французов вроде Шарля Азнавура, Лео Ферре и Эдит Пиаф.

Визуальной линией музыке аккомпанировал Хальсманн с его волшебными фотографиями. Мы не сопротивлялись свету вечности в его фотографической перфекции. Там были знаменитые актеры: Брандо в полосатой футболке, меланхоличный Богарт, курящий Хичкок с птичкой-невеличкой, засевшей на конце его сигары, зевающий Мухаммед Али, Армстронг в испарине и печальный Сэмми Дэвис-младший, глядящий из-за угла. Были там и снимки в прыжке – фирменный прием Халсмана: левитирующие Марк Шагал и Джеки Глисон, Дин Мартин и Джерри Льюис, Ричард Никсон и Роберт Оппенгеймер. Их имена ничего нам не говорили, ноги их застыли в воздухе свободы.

²¹ Сорт тунисского пива. (Прим. пер.)

Но больше всего мы, конечно, рассматривали женщин. О, эти женщины, они так отличались от экстерьеров джендубских матрон! Джуди Гарланд сидит, откинувшись на стуле, взгляд уставлен в сторону... Брижит Бардо с осиной талией, грудь круглится, плечи оголены... Одри Хепберн в клетчатой юбке со складками тянет руки к веткам яблони... Там были улыбающаяся Ингрид Бергман и переходящая улицу, покрытая шляпкой Жа Жа Габор с сумкой, набитой собачкой. Там была Дороти Дандридж в белизне нижнего белья и блеске ногтей, позирующая на диване. Там были широко распахнутые глаза Люсиль Болл, лучащие эротику, двойной портрет Грейс Келли и ее отражения, Джина Лоллобриджида в таком обтянутом платье, что оно больше похоже на купальник. Во снах наши пятки преследовали Софи Лорен в образе обветренной селянки и Элизабет Тэйлор с колье, жемчужными серьгами в ушах и взглядом, устремленным вдаль. Лишь изредка настроение твоего отца омрачилось теми циклическими периодами угрюмости, которые будут мешать ему позднее в его жизни. Я замечал, как его глаза устремлялись внутрь себя, а не наружу. К нему возвращалась его детская молчаливость, и он часы напролет засиживался над снимками Халсмана. Он изучал их сантиметр за сантиметром, рассеянно перелистывал страницы и переставал отвечать или делиться со мной своими раздумьями. Такие периоды продолжались по несколько дней. Потом твой отец возвращался в свою обыкновенную кондицию, пробуж-

дался от раздумий и салютировал фотографическому таланту Халсмана. Как-то раз он проговорил:

– Я обнаружил смысл моей жизни, Кадир. К черту юридическую науку! Я стану первым тунисским фотографом с мировым именем! С помощью фотоаппарата я преобразую будущее фотографии. С этого момента все в моей жизни я отдаю в жертву этой амбиции. Мы должны немедленно покинуть эту крысиную нору! Присоединишься ли ты к моим следам?

Я покивал головой и по классике задрал вверх большой палец. В окружении фотографий Халсмана и соул-музыки мы строили планы на будущее, в котором скоро повстречаем туристический город Табарку на берегу Средиземного моря.

Напиши:

«В нежном эйфорическом дурмане двое друзей представляли каждый свое будущее. Амбицией моего отца было стать фотографом международного значения. Амбицией Кадира было стать туристическим гидом или преподавателем самбы или инструктором по бильярду, а может, и будущим владельцем гостиницы. Путь моего отца лежал через Искусство, путь Кадира – через Экономику. Цели для их дружеского союза были заданы, и крючок стартового пистолета был...»

(Как тут правильно написать? Вжат? Вдавлен? Отпущен? Вставь, пожалуйста, что там подходит!)

Что скажешь про драматическое напряжение сцены? На уровне, да? Сообщал ли тебе твой родитель хоть один из этих

жизненных анекдотов? Не знаешь, почему он этого не делал? Я тоже не знаю. А хотелось бы...

Сердечнейше приветствую тебя!

Благодарю за твой пространственный ответ! С радостью читаю об обретенных тобой писательских буднях.

Очень небывалая, должно быть, честь проводить дни на книжных ярмарках в Гётеборге и получать ангажементы на литературные фестивали, где встретишься с гигантами интеллектуальной мысли вроде Унни Другге, Катарины Мазетти и Бьёрна Ранелида²²! Ты ведь иронизируешь, когда именуешь себя «медийная подстилка»?

Никаких извинений я не приемлю за проявленное тобой молчание. Я выражаю широкое понимание тикающей тревоге, какая возникает при встрече с воспоминаниями. Меня тоже иногда поражает такое чувство. Но нельзя же разрешить мемуарному страху парализовать нашу книгу! Давай лучше сконцентрируем силы на поиске ответа на мистическую загадку, которую ты обозначаешь выражением «типа, лейтмотив книги». Я и сам долго смущал мою душу вопросом о том, как так отец может оставить своего ребенка.

Снимаю воображаемую шляпу, чтобы отвесить поклоны и реверансы в ответ на твое хваление моего материала. Щеки у меня радостно краснеют, когда ты называешь мои тексты «дышащими», «остроумными» и «сверх меры романтичными».

²² Популярны в 1990-е гг. шведские писатели. (Прим. пер.)

Вот ответы на твои вопросы:

1. Да.

2. Ничего удивительного. Твой родитель потерпел много модификаций на пути к своей более поздней успешной карьере. Он прошел от немого мальчишки через джинсового красавчика с ямочками на щечках, через влюбленного машиниста метро, через нервного владельца фотостудии, до интернационально знаменитого фотографа, героического защитника слабых. Так что вполне ожидаемо, что ты не всегда узнаешь своего отца в моих текстах. А вот твое незнание предыстории его интереса к фотографированию стало для меня печальным сюрпризом.

3. Нет, никоим образом!

4. Ты, конечно, прав, твоего отца действительно ласково называли в Джендубе «парень со слоновьими ушами» и «любитель печенок». Эту информацию я забыл присоединить. Он сам тебе это рассказал или наболтал кто-то из его языкатых приятелей, когда вы ездили на каникулы в Тунис? Амин, наверное? Не будь я тогда так занят серьезными делами, я бы визитировал вашу семью и разобрался с их длинными языками. А тебе вот что скажу: давай-ка не будем в книге заострять размер ушей твоего родителя и его излишний вес. Прошло немного времени, и прическа скрыла его уши, а полнота с годами заменилась плотными бицепсами и кубиками на прессе.

5. Ну вообще говоря, кое-что и тогда указывало на сло-

весный интерес, который отец передаст потом тебе. К примеру, у него уже в юные годы была склонность придумывать свои названия разным вещам. Свою серую футболку он именовал «серебряной стрелой»²³. Свою комнату в студенческой общаге «норой». А туристочек, которых повстречает чуть позднее, он станет называть «кофеек с молоком» (если их кожа будет белого оттенка) или «черный кофеек» (если их кожа будет коричневого оттенка). Как тебе известно, его живое остроумие всегда тянулось к словесному комизму. Вероятно, эта его особенность и зародила в тебе тягу к писательству.

6. Нет, не было ни фонда соцзащиты, ни кассы студенческих займов, чтобы инвестировать юридическое образование твоего отца. Какие у тебя курioзные шведские вопросы. Зато у нас была всецелая поддержка от наших друзей из детдома. Никакой экономической помощи, но очень много мускульной. Наши защитники Суфьян и Дхиб, с шрамами на лицах и грубой силой бицепсов, стояли за нас, случись твоему родителю стырить финики или обвини меня кто в карточном обмане.

7. Да у него было много любимых, вот тебе несколько примеров:

– «Fa-fa-fa-fa-fa» Отиса Реддинга,

²³ Кадир, конечно, подразумевает тут связь с будущей профессией Аббаса – «серебряными стрелами» называют поезда стокгольмского метро. (Прим. пер.)

– «Sittin' on the dock of the bay»²⁴ Отиса Реддинга,

– «Superbad»²⁵ Джеймса Брауна,

– «Love man»²⁶ Отиса Реддинга.

8. Да, твой отец всегда имел большую человеческую неприязнь к болтливым людским языкам. Слухи вокруг его романа с дочкой Эмира сильно его печалили. «Людское любопытство не знает пределов», как он частенько репетировал. Безошибочный способ омрачить его настроение был сказать ему что-то вроде «До моих ушей дошло, что в среду ты был на рынке и получил то-то и то-то от того-то и того-то...» В ответ твой отец обязательно начинал упираться и говорить: «Кто тебе такое сообщил?» Твой родитель никогда не мог поладить с ощущением, что за ним кто-то наблюдает. (По его словам, этот недуг передался и тебе. Что скажешь на это, месье Паранойярд ле Скрыт за Жалюзи, сеньор Плюш де Портьеры в своей стокгольмской комнате? [Все эти выражения носят юмористический характер, так что уж не обижайся!])

9. Одри Хепберн у голубиных домиков. А может, фото Ингрид Бергман. Но точно не уверен.

10. Словом «мерсибьены» я, разумеется, обозначаю наши мизерные тунисские зарплаты, ты что, не понял? И ты правда не знаешь слова «фаворисы»? Это такие побочки бороды,

²⁴ «Сидя на причале» (англ.).

²⁵ «Очень плохой» (англ.).

²⁶ «Любовник» (англ.).

которые есть по сторонам лица перед ушами и под волосами, чаще всего они встречаются у танцоров диско, байкеров и волков. Уловил смысл? Для твоей будущей писательской карьеры витально важно развивать словарные запасы.

11. Да, для твоего отца гордость ВСЕГДА имела особый престиж, и нам сложно описать это как что-то адекватное. На то, чтобы заслужить у твоего родителя прощение или реабилитацию от разочарования, могут уйти годы и годы. Это присуще твоему отцу, и он бы очень желал себя изменить. Но древнего пса разве новым фокусам обучишь или нет?

А теперь прими мои ответные вопросы. Что значат твои слова о том, что ты планируешь сценарий для Стокгольмского городского театра? Это у тебя проект в мыслях или он имеет реальные формы? Пожалуйста, не заслоняй историю твоего отца другими историями. Это было бы так же неправильно, как ставить в один ряд книги Пруста и детские книжки-картинки, Мухаммеда Али и лягушонка Кермита, песни Элтона Джона и кого угодно еще. Ладно?

Присоединяю к письму наше с твоим родителем randevu в Табарке (и randevu твоего отца с первым его рабочим фотоаппаратом).

Твой заново обретенный друг
Кадир

PS: Твое предложение начать нашу книгу в Швеции интересно. Но от корней неправильно. Меморируй, как твой отец цитировал Феликса Надара, фотографа Шарля Бодле-

ра: «Лучше всего получаются портреты тех, с кем ты близко знаком». Это правило работает и у писателей. Как сможешь ты (и читатели) узнать силуэт твоего родителя и понять его позднейшие действия, если не изобразить прежде исторический этап его истории? Будем надеяться, что некоторые мотивы из жизни твоего отца распознаются тебе как отражение твоей собственной жизни. И вот еще что: изображать то, что ты зовешь «предысторией», в прустовской манере взглядов в прошлое требует монструозного таланта. Тебе это точно под силу? Тебе, едва способному сформулировать одно-одиношное письмо без англицизмов и орфографических ошибок! Нет уж, веди всё по хронологии и точка.

Был 1972 год, когда мы с твоим отцом отбыли с джэндубской фабрики печенья, упаковав наши хлипкие чемоданы и заняв своими телами места в автобусе до пункта назначения Табарка. Мы коллекционировали финансы с усердием японцев. Обеспечив прожиточную экономику на несколько недель, мы отправились навстречу нашим новым жизням!!!

В следующей сцене мы оседаем в совместном жилище, белом пайоте, крохотном однокомнатном домике с соломенной крышей, таких в те времена много располагались на побережье Табарки, и сдавались они тем, у кого концы плохо сводились с концами. По ночам под крышей шуршали ящерики, но в дом никогда не падали. Может, тебе стоит взять этих ящериц за символ нашего бытия? («Подобно ящерицам друзья в нашем союзе шуршали под крышей жизни, не позволяя

себе полететь спинкой вниз к той пропасти, что мы зовем полом».)

Твой отец решил устроиться в фотолабораторию в Табарке, а я получил работу посудомоя на кухне отеля «Мажестик». И пока я мыл вилки с ложками и полировал бокалы, твой родитель обучался основам проявления фотографии. Любезный (но сверхмерно косоглазый) патрон Ашраф принял Аббаса на роль помощника и научил его, как измерять температуру и смешивать смеси, как перематывать и фиксировать, промывать и сушить. И что за проявкой идет увеличение, за ванночкой с проявителем – ванночка с фиксажем и насколько витально важно хорошенько промыть пленку от фиксажа, чтобы фотографии не пожелтели раньше времени. Приспособления, которыми Ашраф располагал в своей лаборатории, были вполне примитивны. Задники Ашраф раскрасил личными руками и дал им всем имена: «Современная любовь», «Классическая любовь», «Любовь в Венеции», а также один комический – «Астерикс и Обеликс». Фиксаж, который профессиональные фотографы используют одиножды, Ашраф эксплуатировал, пока жидкость не превращалась в густую кашу. Презрев фотометры, Ашраф полагался на свою пульсирующую интуицию при определении яркости света, а вместо перчаток его в целости устраивало окунать негативы в проявитель голыми руками.

По-настоящему творческий процесс начинался, когда Аббас заканчивал обработку негативов, а Ашраф доставал

свою коробку с красками. Там был заостренный карандаш, которым Ашраф подтемнял негатив, так чтобы цвет лица на портретных снимках делался таким же светлым, каким хотелось видеть на фото его клиентам. Там были японские бумажные краски, которыми Ашраф с большим тщанием колорировал одежду клиентов до нужного оттенка. Твой родитель всосал в себя все знания с жадностью усохшей губки.

По большей части твой отец занимал свое время фотографиями на паспорт, но иногда к нему заглядывали туристы, и их негативы всегда копировали друг друга под копирку. Одни и те же раскрасневшиеся в улыбке потные туристские тела в свободных майках на фоне архитектурных красот Сиди Бу Саида, на тунисском рынке, на развалине Карфагена. В те исторические времена туризм в Тунисе был еще недоразвит. Всего два больших отеля открыли свои двери, и поток европейских туристов был все еще довольно лимитированным. Весь современный элитарный ассортимент вроде прицепленных к катеру парашютов, катаний на бананах и европейских ревью и еженедельников оставался пока в нескором будущем. Не было никаких бутиков, которые бы продавали плюшевых верблюдов и футболки с юмористическими надписями «I Love Tunisia» или «My parents went to Tunisia and all I got was this lousy t-shirt»²⁷.

Здесь можешь внедрить эротичную сцену, где мы с твоим

²⁷ «Я люблю Тунис», «Мои родители съездили в Тунис, а мне привезли в подарок только эту паршивую футболку» (англ.).

отцом и лоснящимися от масла бельгийками играем в лимбо и, выгнувшись всем телом, проползаем в ритм музыки под все ниже опускающимся шестом, танцуем диско с блудными британками, визитируем обратную сторону француженок и салютируем близняшек-немок в джакузи. Можешь изобразить отельный балкон, где пышноформые португалки стоят на коленях, их помадные рты широко открылись, чтобы выпиться в ликующее естество, а сами друзья тем временем попивают коктейли с кокосовым молоком.

Такое эротичное многообразие звучит для тебя странно-вато? Ты, может, вопрошаешь, как это нам получалось привлекать интерес туристочек? Позволь объяснить тебе: та эпоха сильно отличалась от этой. В те времена слово «араб» не ассимилировалось ни с чем похожим на провокацию или вирус. Скорее наоборот. В те времена арабскость имела неутолимую сексуальную притягательность! Арабская национальность внушала ту же позитивность, что уличный орган (то есть шарманка, усекаешь метафору?) Неутомимы числом были туристочки, которые призывали меня в свои ночные отельные номера, после того как я сообщал комплименты их золотистой коже. Неисчислимы были туристочки, которые исторгали эротичные стоны, когда твой родитель выводил на песке их имена арабской вязью или славил их красоту, читая выдуманную арабскую поэзию и потом переводя ее на французский. (Он прибегал к несуразным фразам вроде «гравий хорош», «возьмите свое полотенце» или «твой нос уж очень

страшен», а потом, преисполнившись серьезным лицом, экспрессировал эти слова во французские фразы любовного характера).

Впрочем, наши с твоим отцом куртуазные ритуалы имели основательную непохожесть. В то время, как твой родитель с умением дела применял «тихого усердного поэта с раненой душой и взглядом печальных глаз, устремленным в звездное небо», я вел линию «оптимистического посудомоя, щедрого на комплименты, с заметным чувством юмора и любовью к покеру».

Юность в своей пьянящей роскоши придавала особый силуэт тому волшебному времени. Когда в памяти я нахожу теперь все эротичные ночи любви, все тени телесных конечностей, все сливающиеся стоны и все пробуждения утром в незнакомых отелях с похмельной головой, меня наполняет особая радость, которую мы называем ностальгией (или грустью).

К осени пришел тот день, когда накопленные финансы твоего отца оплатили ему работающий фотоаппарат – блестящий черный «кодак инстаматик», компактный по форме, сделанный из металла и со сверхсовременной зарядной системой. Надо ли нашей книге углубляться в технические детали? Как думаешь, читателям интересно будет узнать подробно про выдержку, бленды и типы линз? Может, просто напишем: «Мой отец инвестировал финансы в фотокамеру и взялся за документирование Табарки тех дней. Он больше

концентрировался на картинке, чем на технике съемки. Вот как он формулировал это в поэтичном духе: “Что есть картинка, если не затычка для текучего песка, который мы зовем песочными часами жизни?”».

Или вот как напишем:

«Камера моего отца, разумеется, относилась к той элитной марке, которую мы и сегодня ассоциируем с отменнейшим качеством: [X]».

(Тут можешь присовокупить название того производителя камер, который предложит тебе самое большое финансовое вознаграждение.)

Внезапно твой отец получил в постоянные спутники фотоаппарат. Он теперь постоянно складывал большими и указательными пальцами рук воображаемый кадр, понарошку щелкал вспышкой, и бормотал у себя под носом «parfait parfait»²⁸. Он начал представляться как «photographe artistique»²⁹ и инвестировал капиталы в черный берет французского фасона. В предрассветные ранние часы он сообщал с меланхоличным лицом, как сила фотографии перевернула его душу:

«Короче... реальность жизни она вроде как... короче, с тех пор, как я открыл фотографию, очень много... как это сказать... у жизни теперь новый блеск, в общем... я о том, что... (ик) у всех видов теперь вроде как

²⁸ Превосходно (*фр.*).

²⁹ Мастер художественной фотографии (*фр.*).

такая

такая

(ик)

вроде как глубина вечности... усекаешь, Кадир? Да ты...

Ты вообще слушаешь, или тебя загипнотизировали буфера той голландской мочалки?» (Должен признаться – буфера меня загипнотизировали.)

Я помню, твой отец вернулся к этому обсуждению в 2001 году в электронном письме, которое написал мне, находясь в доме одного палестинского семейства, проживавшего в оккупированной Рамалле. Он писал: «Эх, Кадир! Что может поменять жизнь сильнее, чем волшебство понимания, что всё имеет потенциал застыть в одночасье?» Это очень красивая фраза, надо позже присовокупить ее в книгу. (Только не включай ее продолжение: «Лишь одно... 53 года угнетения кровожадной властью оккупантов! На хрен потенциал застывания!») Ты понимаешь слова твоего родителя или они переходят за грань туманности? Может быть, это ощущение совпадает с твоим открытием писательства? Если так, то добавь раздел, где напишешь «И как всегда, гениальный Кадир оказался совершенно прав...»

Кадир действительно в чем-то прав, и, вчитываясь в написанные им буквы, ты вспоминаешь тот день, когда научился читать, наверное, за год до приезда Кадира. Ты едешь на электричке в южную часть Стокгольма вместе с папой, чтобы помочь дедушке с уборкой склада при его магазине

вывесок. Вверх по лестнице с перрона, мимо стройки, где возводят торговый центр, через до жути пустую площадь, и вот вы входите в двери магазина, где сидит дедушка, еле видный за огромным кассовым аппаратом с круглыми клавишами, и слушает «Шведское радио». Вы здороваетесь с дедушкой, он что-то кашляет в ответ и чешет свою культю, а вы отправляетесь напрямиком на склад, где папа подбирает тряпки и принимается протирать старые таблички специальной жидкостью, которая сильно шибает в нос. Ты слоняешься по складу, который дедушка до отказа набил всякой всячиной. Один угол занимает пожелтевший от времени холодильник с округлыми формами и мешки, наполненные металлическими бутылочными крышками, выдавшими еще Густава Васу. Ты крутишь в руках таблички, делаешь вид, что тоже их натираешь, хотя на самом деле просто копируешь папины движения. И вдруг твой взгляд липнет к одной из табличек и ты наконец понимаешь, что дедушкина коллекция – это не просто плоды какого-то странного пенсионерского хобби, а широченный портал для перемещения во времени и для приема сигналов из прошлого. Потому что не одна эта, а вообще все старые таблички испещрены буквами, которые выглядят точь-в-точь как те, что ты изучал, готовясь к школе. Потихоньку ты начинаешь продираться вперед... С-с-сааа-мааа... йин. Зи-ви без из-зо-ги! Мыло Олд Спис, Стоматол, Йадио Филипс – блаженство звука. Поначалу ты читаешь скорее чтобы покрасоваться, показать папе, что ты практически

эксперт по чтению. Но папе, похоже, не до тебя, как бы громко ты ни читал. Пейте наси соки. Здесь пйодают мойозеное Айла. Какао Мазетти Эгон, незно, вкусно, полезно. Сложности у тебя только со звуками «р», «ж» и «ш». Но ты не сдаешься, потому что в этих табличках столько таинственных сигналов, шифровок о мутных исторических штуковинах, которые понятны только тебе одному, например, об октановом масле или минейальной воде Йамлёса. И сильнее всего врезается в память табличка с изображением мужчины, который курит трубку, на голове у него коричневая шляпа, позади какая-то водная линия горизонта, ты всегда считал его каким-нибудь твоим предком, потому что кожа у него такая же темная, как у тебя, а скрещенные на груди руки еще волосатее, чем папины. Но в этот самый день до тебя доходит, что он вообще-то просто рекламирует что-то под названием «Табак фабйики Тидеманна», и ты как раз собираешься похвастаться перед папой своей удивительной способностью к чтению, но внезапно со стороны кассы громом гремит дедушкин голос: Фабрики! Р, черт побери! Не фабйики! И когда ты научишься говорить по-человечески?! А папа переспрашивает: Что он сказал? И ты отвечаешь: Что у меня талант к чтению. А дедушка кричит: Что он сказал? И ты отвечаешь: Что у тебя потрясающая коллекция табличек.

Хочешь узнать, что документировал фотоаппарат твоего родителя? Всё. Абсолютно всё. Красота его фотографических кадров предсказывает его перспективный успех. Там

есть улыбающийся хозяин ресторана, победитель конкурса рыбаков, мальчишки, ныряющие у камней. Там есть сотни снимков с силуэтами птиц в лучах солнца. Там есть британские туристы, разомлевшие на пляже от гашишевого дурмана. Там есть я, лучший друг твоего отца. С сигаретой в уголке рта, щурюсь от солнца, в бежевой армейской рубашке, в обществе двух раскрасневшихся немков с широкими улыбками. Или в окружении двух моих новых партнеров по покеру, с которыми я делил общество, пока твой отец нас фотографировал. И есть там, само собой, его автопортреты, сделанные на автоспуске: черно-белые, размытые, он там с отросшими кудрями, с хорошо отработанным продернутым грустью взглядом в стиле Отиса, одежда в небрежном европейском стиле: брюки-клеш, белая футболка в обтяжку и сандалии из мягкой кожи.

Иногда твой родитель отправлялся в одиночные ночные экспедиции к горе Крумири, чтобы задокументировать плеск горной реки, сбор воды крестьянками, рассветные минареты мечетей и колыхание колосьев на пшеничных полях. Он ретируется в пайот в лучах утреннего солнца, со счастливой улыбкой на губах и свежеприобретенным хлебом подмышкой.

Тут предлагаю присовокупить какой-нибудь снимок, сделанный первым фотоаппаратом твоего отца. Что думаешь о сканированной снимке, который я присоединяю к моему письму тебе? На нем твой родитель и я в отельном номере

одной очень сильно весомой бельгийской туристки. Резкость у снимка не вполне идеальная, зато ностальгическая ценность в целом оправдывает публикацию, как думаешь? Будни шли своим ходом, меняя месяцы и годы. Бургибу³⁰ избрали в пожизненное президентство, туристическая отрасль Табарки росла в унисон с фотоколлекцией твоего родителя. И все это время он не оставлял амбиций набрать капитал и перейти за пределы Туниса навстречу интернациональной карьере фотографа.

Тут сомневающийся читатель может воскликнуть: «Чего же он тогда не едет за границы? Зачем застревает в Табарке, если его так сильно тянет в большой мир?»

Вот что ответит на это книга:

«Милый читатель. Даже НЕ ДУМАЙ думать, что мой отец из тех, кого немцы называют “Nähnchen”, англичане “chicken boy”, а шведы привычно зовут “зайчишкой”. Дефинировать эти годы как потерянные или бездейственные было бы ложью и полной неправдой. Да, пожалуй, число напечатанных моим отцом снимков было сильно меньше его словесных замыслов. Да, не спорю, он слишком усердно инвестировал свой капитал в коктейли с зонтиками и подарки для разномастных туристочек. Да, не спорю, совместно с Кадиром он консультировал свое ежедневное пиво, а иногда проводил вечера в облаке гашиша. Но позвольте мне торжественно заявить: а кто в юные свои дни поступал иначе? Напомню

³⁰ Хабиб Бургиба – первый президент Туниса в 1957–1987 гг. (Прим. пер.)

также о планировочном таланте моего отца! С целеустремленностью немца и упорядоченностью шведа мой родитель взялся за мысленные приготовления, которые бы привели его к интернациональной фотографической карьере.

Важнее всего были языки: Аббас сам у себя стал преподавателем, и его впечатлительная дрессура языков мира... впечатляла. И сегодня он частенько повторяет: «Что есть язык, если не отмыкатель замков к тем запертым дверям, за которыми живут (или покоятся) души?»

Пока некоторые его соотечественники все крепче запутывались в той неразберихе, которую можно назвать политическим фундаментализмом, Аббас посвящал многие свои часы и динары туристским разговорникам, обретенным в книжном магазине Табарки. При помощи путеводителей по разным странам его язык до блеска оттачивал витально важные для фотографа фразы на английском, немецком, испанском, итальянском и русском. Уверенным ковбойским движением приподнимая шляпу, он репетировал: «Hey nice beautiful girl, how are you, do you want to please be a supermodel?»³¹ С испанской улыбкой тореадора пришепetyвал: «Dónde está el museo de arte?»³² Прямым и жестким, как палка, языком настоящего итальянца прикрикивал: «Aspetti! Può parlare piu

³¹ «Эй, милая красивая девушка, как дела, ты не хочешь, пожалуйста, быть супермоделью?» (англ.)

³² «Где находится художественный музей?» (исп.)

lentemente, per favore?»³³ И, стоя перед зеркалом, постукивал рукой по воображаемой ракетке и спрашивал сам у себя: «Tennis, Willst Du spielen?»³⁴ Доведенный до перфекции французский, разумеется, давно уже имелся у моего отца в приватном наличии.

Взяв контроль над языками, Аббас расширил круг своих инвестиций и начал покупать французские модные журналы. И именно там в 1976 году натолкнулся на фотографию очень симпатичной бразильянки. Имя ее было Сильвия, в статье рассказывалось, как она совсем недавно сообщила о своем любовном альянсе с королем Швеции. Повлияло ли это на будущее Аббаса? Может и так. Но наверняка нет. Витальнее, пожалуй, стала для него биография его кумира Роберта Капы, которую Аббас перечитывал до дырок. Капа, грандиозный мастер фотографии с бархатным взглядом, запечатлевший объективом всё от Гражданской войны в Испании до Дня “Д”, познавший близкую дружбу с Хемингуэем и близкую любовь с Ингрид Бергман...

Позвольте представить вам:

Мой отец!

Символ глобального современного перекрестья, где восток встречается с западом, Иисус с Магомедом, где искупление обретает символический человеческий облик, почти что Лайонел Ричи для рас и музыки!»

³³ «Подождите! Вы не могли бы, пожалуйста, говорить чуть медленнее?» (ит.)

³⁴ «Хочешь поиграть в теннис?» (нем.)

Хм... Надеюсь, ты не решишь, что в этом отрывке я перебрал с конфликтностью? Но если подумать о том, что будет дальше, читателю витально важно понимать те мечты, которые жгли изнутри юношескую грудь твоего родителя.

Следующая сцена приглашает читателя в лето 1976 года. Года, когда весь мир греется в лучах «KC and the Sunshine Band», а террористические формирования вроде НФОП³⁵, команды Карлоса³⁶ и «Фракции Красной армии»³⁷ внушают миру ужас угонами самолетов, захватами заложников и взрывами бомб. Года, когда мы с твоим отцом начали наращивать на наших молодых угловатых телах солидную барменскую корпуленцию. Но наш умственный склад не поменялся. Ни религия, ни политика, ни традиции не могли стать преградой нашим ночным кутежам на пляжах при свете костра в обществе нежных туристочек в узких бикини. Волны набегают, чья-то гитара тренькает «Lay Lady Lay»³⁸, раскуренная трубка переходит из рук в руки, а беседы, исполненные гармонии, крутятся вокруг краткости бытия, фрустрации западного мира и благодатного мистицизма Востока. То

³⁵ Народный фронт освобождения Палестины. (Прим. пер.)

³⁶ Имеется в виду Ильич Рамирес Карлос, террорист, известный под кличкой Карлос Шакал, осуществлявший террористические операции в интересах НФОП, «Красных бригад», «Красной армии Японии», Организации освобождения Палестины. (Прим. пер.)

³⁷ Немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1970–1998 гг. (Прим. пер.)

³⁸ Песня Боба Дилана, вышла в 1969 г. (Прим. пер.)

были рецидивные темы, туристы все время хотели на них говорить, а мы катили накатанное. Хотя твой родитель и начал уже испытывать раздражительность из-за этого непрерывного внимания к насущной разнице между нашим и их мирами.

И вдруг я вижу перед собой твоего отца, золотисто-оранжевого в свете костра, он сидит по ту сторону, в черно-звездной раме ночи. Глаза его, обычно блудящие в поисках самой крупногрудой туристочки, вдруг позабыли свою искательную манеру. Твой родитель сидит с распрямленной спиной, как гиена, и не может оторвать взгляд от группы женщин в стороне от всех. Я отлично помню, как он облизывает губы и спазмирует горлом. Потом продвигается медленно, шаг за шагом, все ближе к тем женщинам, чей язык звучит для меня распевной трелью фьюти-фьюти-фьюти-фьють.

Необычность этого эпизода в том, что привычный для твоего отца дар флирта вдруг как украли. Когда пришла пора включать «поэтичного казанову с раненой душой и взглядом за горизонт», он угораздил разбить бокал и чуть не вогнал осколки себе в ступню. Шатнувшись в сторону, он опустил руку на горящую головешку, а когда тело наконец вернулось к прежнему балансу и он добрался до хихикающих женщин, все они отказались от глотка вина из предложенной им бутылки. А что же твой отец? Этот эксперт по куртуазным ухаживаниям так и остался стоять, штанины джинсов закатаны, ветерок мягко треплет локоны. Не знает, куда деть руки, как

будто отрастил лишние, ногами роет песок, зубами кусает нижнюю губу и...

Тут она НАКОНЕЦ-ТО поднимает глаза. Та, для которой до этого момента твой отец был как пустое место. Она... та шведка, которая похитила взгляд его глаз.

Пусть время замрет, а волны остановят бег. Пусть длинные тени встанут на месте, а искры костра зацепенеют. Их взгляды встретятся. И пусть все застынет в полной бессловесности, а потом...

Потом?

Потом БАЦ – она протягивает руку. Твой родитель стоит в потерянности, как пропавшая перчатка, от того, что она так берет на себя инициативу, а рука у нее мягкая, как белый песок, но силой своей пробирает, как жгучая приправа харисса, глаза ее не моргают, она называет свою фамилию, совершенно серьезная, а он думает, что она, похоже, первая, кого не инфицировала его куртуазная улыбка. И вот он держит в руке ее руку, вдыхает ее лавандовый аромат, а в голове у него СВИЩЕТ от этого аромата, а земля вибрирует под ногами, а в мыслях туман, облака циркулируют в воздухе, а ночное небо рассыпается молниями, и с него вдруг летят вниз сотни метеоритов, а рыбацкие лодки на горизонте вдруг вспыхивают аварийными огнями, а сошедшие с небес хоры ангелов поют ОСАННЫ, и ГРОМОГЛАСНО разносится органная музыка, и УЛИЧНЫЕ ПСЫ ВОЮТ, и ВОЗДУХ ТЕРЯЕТ КИСЛОРОД, и ВУЛКАНЫ ИСТОРГАЮТСЯ, и КОК-

ТЕЙЛИ С ЗОНТИКАМИ ВДРЕБЕЗГИ ЛЕЯТ С БАРНЫХ СТОЕК, и КАРАНДАШ АШРАФА ЛОМАЕТСЯ О НЕГАТИВ, и ГДЕ-ТО В ПОДЗЕМНОЙ ЛАБОРАТОРИИ ШКАЛА РИХТЕРА ПОДСКАКИВАЕТ ВСЕ ВЫШЕ, ВЫШЕ, ВЫШЕ, ПОКА РТУТНЫЕ ШАРИКИ НЕ РАЗБИВАЮТ ЕМКОСТЬ И НЕ РАЗЛЕТАЮТСЯ КАК МАЗУТ, ИСПАЧКАВ БЕЛЫЕ ХАЛАТЫ УЧЕНЫХ, ДРЕВНИЕ ФАКСОВЫЕ АППАРАТЫ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ЭКРАНЫ СО СТРОКАМИ СТАРОМОДНО-ЗЕЛЕНОГО ТЕКСТА НА НИХ!!!

(Внимание: Ничего из этого не имело своего места в реальности! Это все метафорический символ сильных эмоций твоего отца при встрече с твоей матерью.)

С чего начался их разговор? Кто помнит? Кому какое дело? Может, твой отец попытался unsuccessfully комплиментировать ее схожесть с королевой Сильвией? Может, сказал что-то шутивное в сторону шведского климата? Что-то такое про белых медведей с пингвинами, Бьёрна Борга и Аббу?

Мне про это неизвестно. Знаю только, что ей понадобилась четверть часа, чтобы снизить свой к нему скепсис. Потихоньку ее ответы начинают складываться не из одного слова, а из нескольких сразу. Потихоньку твоя будущая мать начала в первый раз улыбаться своей улыбкой. Потихоньку твой отец восстановил свою способность к куртуазным ритуалам. Он рассказывает свои юмористичные истории. Демонстрирует свой коронный щелчок пальцами. И тайком дует на полученный ожог. Все это время в моей голове шеп-

чет мысль: «Происходит что-то особенное, сейчас, кажется, впервые Аббаса подкосила невиданная виды инфекция, которую мы зовем любовью!»

Я не ошибся. Поздно ночью твой отец вломился в пайот, в его карих глазах полыхала страсть.

– Ее зовут Бергман! Ее зовут Пернилла БЕРГМАН!

Его язык снова и снова повторял мантру этого странного имени: «Бергман... Пернилла Бергман! Она стюардесса из Швеции! Бергман! Как Ингрид! Твои уши хоть раз слышали имя нежнее этого?»

Как будто он всю жизнь ждал именно эту шведскую стюардессу с таким диковинным именем. Как будто память обо всех остальных европейских женщинах, которые обидели его сердце, вдруг выветрилась насовсем.

Я принес ему свои поздравления и добавил:

– Они с Ингрид родственницы?

– Нет, конечно, нет. Я ее тоже спросил. Фамилия Бергман встречается в Швеции за каждым углом. Хочешь узнать ее символический смысл? Знаешь, что такое Бергман на шведском?

– Объясни уж, пожалуйста.

– Человек с горы!

– Вот как!

– А теперь сравни с моей фамилией... Кемири!!! Почти то же самое! Человек с Крумири!

Столкнувшись нос в нос с наивной эйфорией твоего от-

ца, я наполнился странным чувством, похожим на ревность. Вместо того чтобы поздравить его или поправить выдуманную им символику, я сказал:

– Так тебе сегодня захотелось немного кофе с молоком?

Твой отец резко замолчал и уставил на меня сузившиеся зрачки.

– Что? – вскричал он. – Что ты сейчас произнес? Хочешь грязнить мой новообретенный роман с Перниллой «кофе с молоком»? Повтори-ка, если посмеешь!

– Прости, прости! Прими мое прощение!

Твой отец опустил правую руку, помедлил с рукой у талии, а потом протянул ее с дружественным рукопожатием.

– Прости, Кадир... Не знаю... Просто это... Просто сейчас оно по-особенному... Таких эмоций я раньше не имел ни с кем.

Когда мы уже легли, твой отец шепотом спросил:

– Кадир... А кстати... Знаешь, в какой стране производят те самые фотоаппараты «Хассельблад»?

– Давай угадаю...

– Вот именно... В Швеции. Это она мне объяснила, когда я рассказал ей про свои фотографические мечты.

Прошло несколько минут тишины.

– Эй... Кадир... Ты спишь?

– Нет еще.

– Ты видел ее сандалии?

– Нет...

– Они были такие прекрасные. Светло-голубые.

– Угу...

Тишина. Шелест волн. Пение сверчков. Клонит в сон. И снова:

– Эй... Знаешь, что она еще рассказывала?

– Что устала и ей надо поспать перед работой?

– Ха-ха, очень смешно. Нет... Она рассказала, что по-шведски люди выражают невероятную силу страсти фотографической фразой.

Тишина.

– Не хочешь узнать, какой?

– Что?

– Не хочешь узнать, какая фраза на шведском иллюстрирует внезапность любви?

– Хочу.

– Они говорят «щелк – и случилось». Это она мне рассказала. По-шведски получается что-то вроде «Де са боро клик». Согласись, что красиво! Какой знак от судьбы, а?

И вот так продолжалось всю ночь. Пока мое бодрствование чередовали дремание и сон, я слышал, как твой отец эквилибрирует бредовыми рассказами о комической встрече Перниллы с каким-то актером по пути в Тунис. Он рассказывал о том, что она планирует пойти учиться на медсестру, и прославлял ее политическую солидарность. Он рассказывал о ее ироническом чувстве юмора, мочках ушей с мягким пушком, о запахе ее нагретой солнцем кожи, запахе ее ла-

вандового мыла. Ее шея, прорисованная тонким узором просвечивающих вен, ее голубые сандалии, ее неровный шведско-французский прононс, ее бескомпромиссная ярость, когда он угораздил привлечь к себе взгляд другой женщины...

Ну и, конечно, это его попугайное копирование...

– Вот честно. Ты когда-нибудь видел женщину с хоть немного похожей улыбкой? Ну честно? Пернилла будет моей Ингрид, а я буду ее Капой.

Я не отвечал. Мне было сложно уяснить, как твой отец мог увлечься этой худой и долговязой туристочкой с негламурным макияжем, неприметной грудью и видной любому глазу курносостью.

Итак, та ночь стала их первым рандеву, и события последующих дней не слишком мне известны. Я работал в дурном настроении в отеле, а новообетенная любовная парочка проводила все часы бодрствования в аккомпанементе друг друга. Иногда я видел их в баре какого-нибудь отеля, взвинченный голос твоей матери при обсуждении каких-нибудь политических несправедливостей, а твой отец сидел как прикованный к блеску ее глаз. Иногда я издали замечал их сияющие любовью силуэты, когда они бродили по пляжу, твой отец, вытянутый по швам, как майор, в тщетной попытке равняться на сто восемьдесят сантиметров роста твоей матери. На пляжных вечеринках они держались близко друг к другу, все время рука в руке. А в один такой вечер я услышал, как твой отец называет своими родителями Фай-

сала и Шарифу, проживающих в Джендубе. Я ничего на это не комментировал.

Ночь за ночью твой отец вступал в пайот с одним и тем же имбецильным предрассветным выкриком:

– Ее зовут Бергман! Пернилла Бергман!

Далеко ли они зашли в сексуальной сфере, остается мне неизвестным. Но перед ее отъездом они обменялись адресами и поклялись друг другу продолжить роман.

В общем, с этого все и начинается. Все, что потом вырастет в перелеты и переезды, и любовь, и брак, и конфликты, в троих растерянных сыновей-полукровок, и вечные непонимания, и окончательную трагедийную тишину между сыном и отцом.

В следующий период Аббас сконцентрировал всю свою бодрость на двух вещах: на работе помощника в лаборатории и на переписке с Перниллой. Любовные стихи личного сочинения он декларировал морю, а не иностранным туристочкам. Сексуально он был **СОВЕРШЕННО** одинок (что, само собой, увеличивало мое сексуальное разнообразие). Пока я повышался в кухонной иерархии от мойщика тарелок к мойщику стаканов, а потом к приготовителю примитивных барных коктейлей, твой отец начал делать снимки для местных газет. Уже скоро его имя разнеслось вокруг, ему доверяли документировать свадьбы и поручали фотографировать клиентов «до» и «после» для парикмахерских салонов. Аббас делал первые шаги на крутой лестнице, которая вскоре ста-

нет его фотографической карьерой. Казалось, будто любовь к твоей матери мотивировала его наконец-то поймать жизненный фокус. В это же время я стал все больше времени проводить со своими партнерами по покеру и строить планы на свой отель.

В ожидании новых писем из Швеции Аббас колдовал фотографии с двойной экспозицией, на которых силуэт твоей матери ложился на лесные рощи или пробковые дубы или экспрессивные горные вершины. На эти снимки он мог вздыхать часами. Потом он корреспондировал их в Швецию, положив в конверт в комплекте со специально написанными по случаю любовными стихами, или же вешал на стену пайота.

В сентябре 1977 года прибыло долгожданное письмо с приглашением. Теперь Аббас мог ехать. И что случилось дальше? Он позвонил ей и сразу поехал, в эйфории от возможностей? Сразу распрощался с фотолабораторией и рванул через Средиземное море? Нет, вместо этого случилось то, чего я объяснить не могу.

Твой отец сделался невидимым.

Сначала он провел неделю в молчании, в пасмурном духе. А потом он где-то пропадал. Записка в пайоте выражала простое желание: «Не беспокойся. Я скоро вернусь».

Я доверял твоему отцу и спокойно ждал. Часы становились днями. Никто о нем не слышал. Ашраф из лаборатории визитировал нас в яростном негодовании, а я только и мог жать плечами и с сомнением отвечать чистую правду: что не

знаю ничего об исчезновении Аббаса.

И однажды утром твой родитель вернулся назад. Он вступил в пайот на рассвете, на шее висел фотоаппарат, от его тесной полиэстеровой рубашки шел затхлый запах, а в черных волосах застряла куча веточек.

– Кадир! Теперь я еду. Я нашел свой смысл. Пробыл час.

– Где ты был?

– В фотографической и духовной экспедиции! – ответил твой отец с сияющей улыбкой.

Я и сегодня не могу точно определить, где и для чего локализовался твой отец в те восемь дней. Вот каким куриозным человеком может быть твой родитель. Возможно, это надо просто признать и принять.

Признаюсь тебе, я пытался убедить его остаться в Табарке. Рассказывал о моих планах открыть собственную гостиницу и юмористически предостерегал его от Швеции, этой северной страны с холодными блондинками, эскимосами и насквозь замороженными зимами. Я напоминал ему о риске обморожений и угрозе от оголодалых белых медведей. Но твой отец только смеялся и обещал мне бесперебойную переписку. «Потеря друга – это потеря друга. Но жизнь без любимой Перниллы – это и не жизнь».

Так повторял он раз за разом. Только чтобы потом произнести сентенцию, которая станет фатальной:

– Но мне нужно просить тебя об услуге гигантской ценности. Деревенские языки болтали о твоих колоссальных при-

былях за покерным столом. Ты не мог бы делегировать мне кредит, чтобы я смог осуществить свою зарубежную поездку? Я свои последние капиталы вложил во владение фальшивым туниским паспортом, чтобы проделать мой вояж. Если примешь мою просьбу, то я обещаю отплатить тебе обратно с хорошим процентом. Что скажешь?

Ситуация была вдалеке от идеальной. Я упаковал изрядные объемы печени, натер чудовищное число бокалов и поставил все на самые правильные карты в покере, чтобы накопить себе финансов. А теперь делегировать их твоему отцу? Он смотрел на меня, забыв про дыхание:

– Мое будущее зависит от тебя. Не отказывай мне. Ты получишь процент. Клянусь. Как только я достигну фотографического успеха в Швеции. Пожалуйста. Не становись порогом на широком хайвее, который мы зовем любовью!

По правде, мне было невозможно отказывать твоему отцу в его просьбе. Я щедро делегировал ему мой капитал и детально описал в документе, как процент будет экспонентно расти в следующие годы. Я отложил открытие отеля и пожелал твоему отцу счастливого пути.

Если есть в этой главе что-то витально важное, то вот оно: многие считают меня рискованным человеком, с большой долей смелости. На самом деле я тихонько брел по жизни, как по свежепокрашенному коридору. Все свои риски я инвестировал в надежный контекст покера. Тому, кто инвестирует риски в саму жизнь, нужны яйца куда крепче. Твой отец

поставил ВСЕ на то, чтобы перевезти свою жизнь в Швецию. Никогда не забывай об этом, Юнас. Никогда. Что бы ни принесло будущее в своем лоне.

Часть вторая

Сердечнейше приветствую тебя!

Спасибо, что продолжаешь рассказывать про свои будни дебютного писателя. Ты не шутишь, когда пишешь, что отправился на поезде аж до Сундсвалля, чтобы «поболтать про книжку с тремя попивавшими кофеек тетушками и одним похрюкивающим бульдогом»? ХА-ХА, меня это очень повеселило! А ты не лукавишь, когда пишешь, что наслаждаешься каждой секундой? Не маловато гламура? Благодарю тебя и за усердные вопросы. И кто же транслировал тебе всю эту информацию? Я, конечно, признателен, что ты коллекционируешь факты из других источников, но... Не перегибись с амбициями! У семи поваров вместо нежной каши будет бурда на машинном масле.

Когда ты пишешь, что «некоторые источники» снабдили твоего отца в его годы в Табарке характеристиками типа «джендубского жеребца», «the Tunisian Stallion»³⁹ и «вечно-го изменщика», я заполняюсь тревогой. Эти твои источники наверняка дефектные! Скажи, это все разболтанные друзья твоего отца выложили тебе такие прозвища, пока ты проводил каникулы в Тунисе? Это все полуглухарь Амин или полугном Надир? Не верь ты людским разболтанным языкам!

³⁹ Тунисский жеребец (*англ.*).

Да, конечно, твоего отца прозывали казановой, но это же НЕ ОДНО и то же, что водить романы с несколькими женщинами сразу. Уж точно не после того, как у него стряслось рандеву с твоей матерью! Ну а разговоры про то, что он приударил за твоей матерью ПОСЛЕ того, как его «знатно отшила» ее рыжеволосая крупногрудая коллега-стюардесса, это такой поклеп, который называется неправда и никак иначе!

Есть много женщин на свете, но только одна Пернилла. Есть много слухов, но только одна правда. И эта правда и будет презентована в книге. И ничего кроме. Мы с тобой друг друга поняли?

В последнее время меня все стесняет один вопрос: что ты дефинируешь как самую крупную угрозу качеству нашей книги? В моем понимании это читательская скука. Слишком много есть в мире книг, где сухость фраз так натирает глаза, что изнемогает читателя. Полагаю, твой взгляд на книги согласен с моим? Твой родитель детализировал мне в подробностях, как ты с руганью сбегал раз за разом с тяжеловесных литературных чтений и как кормил мусорное ведро свежими романами. (Кстати, а правда, что вы с Мелиндой разбили витрину редакции «Нурстедт» в начале девяностых, потому что разлились на их сборник против расизма «Заговор чернокожих», в котором Том Йельте и Доктор Албан выбрали в роли «черномазых» для своих интервью Мауро Скокко, Яна Гийу и Изабеллу Скорупко?⁴⁰ Ты своему редактору Сте-

⁴⁰ Сборник интервью, проведенных Доктором Албаном, шведским музыкан-

фану в этом признавался? ХА-ХА, смешно же тебя клинило в юные дни... [Но я понимаю, почему твой отец не разделял твоего настроения.]

Для того чтобы прикормить интерес нашего читателя, предлагаю вот что: пусть наша книга циклично меняет свою литературную форму! Давай же запустим теперь вторичную часть книги, где сначала представим читателю аутентичные письма твоего отца, а потом дадим тебе презентовать первичные твои воспоминания о нем. Как оценишь такую идею? Я вполне уверен в ее гениальности. Пусть этой частью рулит твой отец, я же упрячусь в сноски. (А ты станешь... Штурманом? Стюардом? ХА-ХА! Просто дразнюсь.)

В приложении найдешь письма твоего отца, переведенные на мелодичный шведский язык. Я выложил силы по максимуму и рассчитываю на твою признательную оценку.

Твой извечный друг

Кадир

Стокгольм, 2 февраля 1978 г.

Здоровья тебе, Кадир!

Многие почести воздаются тебе заглавными буквами из

том нигерийского происхождения, и Томом Йельте, шведским журналистом корейского происхождения, был адресован подросткам и направлен против расизма. В него вошли беседы со многими медийными персонами, имевшими иностранные корни. Вероятно, Юнаса и Мелинду возмутило присутствие в книге таких благополучных и почти шведских по внешности и происхождению знаменитостей, как перечисленные Кадиром музыкант Мауро Скокко, писатель и публицист Ян Гиуу и актриса и фотомодель Изабелла Скорупко. (Прим. пер.)

заснеженного угла Европы, который мы зовем Швецией. Я сижу в крошечной кухне Перниллы и составляю для тебя эти фразы. Мороз атакует дом снаружи, но сегодня холод немного гуманнее. Если сравнить со вчера. Даже по шведским стандартам зима была лютая, морозный рекорд побиты, и как-то ночью температура свалилась до целых минус тридцати. Но в трехслойной одежде и недавно обретенном трехцветном шарфе я одолел зимний холод перед радиоактивно жарким огнем, который мы, поэты, зовем любовью.

Позволь описать тебе мое прибытие. Поездка прошла безболезненно. Письмо Перниллы пригласило меня пересечь граничную черту моей новой родины. Жилище Перниллы находится в очень современном районе вблизи Стокгольма. Ее дом стоит в ряду с еще восьмью такими же домами. Все они высоченные, с современными угловатостями, коричневого цвета, с лифтами в зеркальных декорациях и этажными кнопками, которые горят огнями, когда на них нажимаешь. Пока я поднимался на ее седьмой этаж, меня колотила нервная дрожь. Я сигнализировал в ее звонок и подождал в тишине. Ничего не произошло. Я снова сигнализировал. Ничего не произошло. Я сигнализировал в звонок еще, и еще, и еще, и еще. Потом услышал топотливый шепот за дверью ее соседей. Я поменял стратегию действия. На листке бумаги я написал такую фразу:

«Je t'attends à Centralen... / Ton Chat Unique».⁴¹

⁴¹ В книге переведи «Мое тело ожидает тебя на Центральном вокзале... / Твой

Бумагу я опустил в почтовый ящик и потом возвратил свое тело на Центральный вокзал. Сидя многие часы в кафе с чашкой кофе, приперченного коньяком, я одолевался сомнениями. Может, мне надо было предупредить Перниллу о моем приезде? Может, гениальная идея представить ей мое наличие сюрпризом была не такой уж гениальной? Может, она уехала в отпуск? Может, она полнится злостью от того, что я молчал в корреспонденции? Все эти вопросы разрастались во мне, пока шло время. Обед, середина дня, вечер. Разочарование от моего фиаско, тягостное ворчание официанток, гора переломанных зуботычек и пакетиков из-под сахара. Она, наверное, забыла меня, все потеряно, что я наделал? Уровень алкоголя во мне добавил трагизма, и досада еще приросла.

И тогда... Сквозь сумрак разочарования от входа кафе раздался окрик:

– АББАС!

Там стояла она, в дымке контрового света. Пернилла. Ее вытянутое тело, огненный взгляд, нос богини. И она расцветает улыбкой. Эта ее улыбка налетает сквозь темное вечернее тусклое кафе, озаряет его новыми красками, отражается от стекла на прилавке с пирожными и слепит глаза панкам, бродягам и усталым контролерам.

уникальный кот». (Это у твоего отца была традиция всегда придавать себе разные имена для общества разных женщин. С Перниллоу он был «уникальный кот» или коротко и изящно «Капа».)

Она изучает мой взгляд и качает головой, наши улыбки встречаются. Она подходит к моему столику, замечает мой алкогольный аромат, рассматривает мой потрепанный экстерьер и спрашивает шепотом:

– Ты что, не мог сперва позвонить?

И у меня не находится ответа. Все слова меня оставили. Есть только она. Она! Я вмиг протрезвел, погрузил бутылку себе в карман и эскортировал за ней в метро.

С того дня мы живем в магическом симбиозе в ее маленькой двухкомнатке, где на стене на афише расположился Боб Марли, а запах сигарет ласкает мне нюх. Пернилла летает на внутренних рейсах, так что я редко надолго остаюсь в изоляции. Когда она на работе, я общаюсь со своей записной книжкой, в которую коллекционирую наблюдения и поэзийные фразы. Вот, например, такую: «Швеция... Ах, Швеция. Страна бесшумных вагонов метро, изящных женщин и многих возможностей. Швеция – это воздушная чистота, водная поднебесность и умопомрачительные виды с мостов в центре города. Все в Швеции лишено запаха и цвета, точно выверено, бело, гладко и опрятно, совсем как кожа на руках Перниллы. Ах, кожа Перниллы. Всего одна из многих причин, по которым мой выбор пал покинуть лучшего друга и едва начавшуюся карьеру фотографа».

Рождественское празднование я пережил без серьезных затруднений. Перед праздником Пернилла сказала:

– Чтоб ты знал: у шведов рождественские традиции – это

сугубо приватное дело, и может пройти много лет, пока человек получит такой статус, чтобы его пригласили как гостя.

Поэтому рождественский праздник я провел сольно, ожидая Перниллу в ее квартире. Весь квартал накрыла могильная тишина. Нигде не замечалось никаких признаков того, что сейчас тут час веселья. Я разнообразил свое общество телевизором, заставил себя различать отдельные шведские слова и смешал рождественский лимонад с алкогольным усилением. Включил обретенную недавно пластинку Стиви Уандера. Я усиленно курил сигареты на подснежном балконе. Время без Перниллы почему-то ползет для меня еле-еле. Я не понимаю, что она со мной сделала. Неужели это и называется любовью, Кадир? Когда в сольном состоянии чувствуешь себя таким надтреснутым, что каждый вдох дается с трудом? Пернилла вернулась от родителей через два дня после сочельника, и я заметил в ее глазах изменившийся блеск.

– Что произошло? – спросил я.

– Ничего.

– Скажи же.

– Нет... Не хочу про это говорить.

– Милая моя Пернилла, давай не будем ставить между нами секреты. Раздели со мной сейчас свои чувства.

Пернилла вздохнула глубоко в легкие и задрожала губой.

– Просто, понимаешь, это всё... Знаешь, каково это, когда тебя ранят предрассудки близких?

– Нууу, такое чувство мне, честно говоря, не слишком знакомо.

– Тогда ты не понимаешь, что я чувствую. Моя мать до смерти боится наших с тобой отношений. С тех пор, как я ей о тебе рассказала, она перманентно предупреждает меня об агрессивном темпераменте мусульман. Она вручила мне множественные статьи о мусульманском терроризме и отказывается называть тебя иначе как «авантюрист».

– Хм...

– И теперь не захотела пригласить тебя к нам на праздник.

– Но... Ты же сказала, что празднование рождества – это семейное приватное...

– Я соврала. Мой старший брат притащил своих чертовых дружков по теннису, и его подружку-американку тоже позвали. Весь квартал собрался на праздник. Соседи, двоюродная родня с собаками их детей в придачу. Но не ты, с которым я делю любовь и дом. Иногда я их просто ненавижу. **НЕНАВИЖУ.**

И тут она разразилась плачем, а я держал ее дрожащие плечи и прижимал к себе ее тепло. Я думал: Даже плач у нее со своим характером. Пернилла своим плачем сильно отличается от мажоритарной массы всех прочих женщин. Он не бывает у нее символом отчаяния или слабости. Нет, это вибрации вулканической ярости, прущей изнутри. Все слезы она миглом смахивает рукой, как машинными дворниками. Будто каждая несмахнутая слеза разъедает ее гордость. Весь

вечер мы утешали горести друг другу, а когда уже засыпали, мои губы прошептали:

– Любимая моя Пернилла! Я люблю тебя больше всего. Мы справимся с этим, вместе мы им покажем, нас никогда не победить. НИКОГДА!!! Мы ошарашим твою чертову родню, мы разломаем все, что они себе напридумывали, насладимся их мольбами о прощении. Они меня видят исламским фундаменталистом, а тебя обдуренной дочкой. Вот тебе мое прошептанное слово, я так сейчас думаю и я готов это себе на лбу татуировать в наказание, если встану в лужу: после моего успеха твоя родня будет, рыдая, слизывать пот с наших шикарных новообретенных туфель. Мой менталитет станет таким шведским, что им и не снилось. Мой фотографический успех вспыхнет ярче, чем их поганые елки. Наши экономические ресурсы левитируют выше, чем их поганая телебашня. Давай начнем обратный отсчет к тому дню, когда Кемири построят большую шведскую семью с влиянием, как у Бонниер, и капиталом, как у Рокфеллеров.

Пернилла встряхнулась из сна и пробормотала, не поднимая с глаз ресниц в алмазах:

– Но... мы не должны забывать о народной борьбе.

Никто не был мне милее, чем эта странная женщина, Кадир. Я торжествующе заявил ей, что мы с ней вместе на все наше будущее будущее!

Наше новогоднее празднование искрилось присутствием всех друзей Перниллы, в большом доме в районе под назва-

нием Скарпнек. Там были деревянные паркеты и монструозный запас алкоголя. Друзья Перниллы были ко мне сердечно гостеприимны, тепло мне улыбались, интересовались моим взглядом на политику и рецидивно приносили свои поздравления «Пророку» Халилия Джебрана⁴². Под счет двенадцати ударов Пернилла утянула меня в сторону от всех, она прошептала мне в ухо слова, которые я не могу тебе записать, и мы разделили небесный поцелуй под аккомпанемент небесных взрывных огней.⁴³

На восходе нового года мы с Перниллою променировались через тысячу стокгольмских парков, озер и мостов. Снег мягко шлепал с неба, воздух дымом шел из наших ртов, а мороз был такой холодный, что волоски внутри носа слипались

⁴² Книга стихов в прозе ливанско-американского поэта и писателя Джебрана Халилия Джебрана опубликована впервые в 1923 г. на английском языке, входит в десятку самых переводимых книг в мире. (*Прим. пер.*)

⁴³ В этом месте твой родитель использует, видимо, метафорический образный язык. Огнями взрывалось наверняка не небо, а его фантазия. А ты как думаешь? Напиши мне, Юнас: ты когда-нибудь бывал серьезно влюблен? Ты когда-нибудь имел любовь, которая будила тебя ночью и пробивала потом от паники после сновидения о том, что жизнь твоей возлюбленной прервалась из-за раковой болезни или рандеву с тостером, на беду оказавшимся рядом с ванной? А потом ты успокаивал бой сердца, протирали глаза, прочищал ум и продыхал легкие? И ты находил после того ее сонную тень рядом с собой в темноте? Слышал ее слабые всхрапы? Возвращал голову обратно на подушку, зарывал нос в затылочную пушистую близость любимой, втягивал в себя чудный сонный запах ее кожи и осознавал у себя в голове, что ничто, НИЧТО в жизни не сравнится с этим ощущением? Если ты не имел такого, то ты и не жил по правде. Ты у меня спроси, я-то знаю. Вот такую ураганную любовь твой отец проживает в это историческое время. Так что прости ему его романтические восторги.

вместе при дыхании (непривычное, но не противное ощущение). Снег хрустел под ногами, солнце было ослепительно прекрасно, а вода вся заледенела. Как-то раз мы наблюдали малышей, которые закинули себя спинами в снег, а потом барахтались там и извивались телами в диких конвульсиях. Пернилла указала на снежный рисунок и дефинировала, что они делают так называемых «ангелов». После этого мы взглянули друг другу в глаза и не говоря слов сказали друг другу слова, если понимаешь, о чем я.

Здесь я остановлюсь в надежде на твой скорый ответ.

Аббас⁴⁴

⁴⁴ Твой отец отсылает, видимо, вот к чему: ангелы как символ неба = небо как символ снега = снег как символ погоды в целом = «мы могли бы причинить ангелов!» = наша любовь могла бы видоизменить все, даже погоду. Как видишь, письмо твоего отца элегантно сформулировано и идеально годится для внедрения в книгу. Но мне вот что интересно: почему твой родитель не пишет рассуждений о причине такого позднего появления Перниллы на вокзале? Известно ли тебе обстоятельство, которое дает истории ее реальный мифологический вес? На самом-то деле в день, когда твой отец прилетел в Швецию, она отправлялась на север, чтобы провести с родителями лыжные каникулы. Она планировала уезжать на две недели, но возмутилась до слез из-за конфликта с твоей бабушкой. (Твоя бабушка упорно репетировала ей «я же тебе говорила», потому что твоя мама грустила из-за письменного молчания твоего отца.) На подъезде к Уппсале Пернилла заметила на своих руках и ногах большие красные пятна. Она использовала их как повод, чтобы оставить родителей и ретироваться в Стокгольм. А там нашла записку от твоего отца, с колотящимся сердцем поймала такси до вокзала и обнаружила его алкогольное тело в кафе. Откуда взялась на ней эта сыпь? Твоя мать подозревает, что, несмотря на аллергию, она случайно съела фундук внутри пирожного. В книге мы может презентовать более адекватную ситуации аллергию... Может, твоя мать имела аллергию на... каштановое варенье? (Помни: все в жизни сплетается, жизнь – шифрованный узор, и наша задача кристаллизиро-

Стокгольм, 15 апреля 1978 г.

Здоровья тебе, Кадир!

Благодарю тебя за красиво расписанное письмо и обстоятельный расчет того, как именно процент по моему долгу подрос за эти первые полгода. Моя шведская жизнь обрела наконец свою будничную рутину. Мы с Перниллой составляем друг другу непрерывную компанию, почти как мы с тобой в Табарке. Вместе мы протестуем за расширение прав женщин и выражаем критику атомной энергетике, капитализму, апартеиду и меховой промышленности. Вместе проводим вечера в кинозалах и гуляем до метро, наслаждаясь чудесными весенними ароматами – робко пробивающихся листочков, сосисочных киосков, лавандового мыла моей жены. Помнишь, как я называл Швецию страной, где все «лишено запаха и цвета»? Теперь это уже несообразно. Весна в Швеции пахнет и живет, люди отряхивают с себя спячку, улыбаются в метро и иногда (хотя редко) даже отвечают в лифте приветом на привет соседей. Весеннее тепло все переменяет.

Одновременно с прогрессированием нашей с Перниллой любви я отделяю время и для своей фотографической карьеры. Первым делом мне надо было обнаружить место ассистента. Я направлял шаги к одному фотоателее за другим, презентовал мои рабочие опыты из Табарки и предлагал се-

вать через книгу мелкие детали, которые очень многие пропускают перед собой незамеченными.)

бя за совсем небольшую или почти бесплатную цену. Успех не пришел внезапно. Мне все время встречались фотографы, которые поясняли, что они, увы, не могут взять себе ассистента, раз он не располагает шведским языком. Они игнорировали все мои аргументы о том, что мир изображений не требует автоматом языковой адекватности.

К моей удаче, коллега Перниллы познакомила меня со шведско-финским фотографом по имени Райно. Райно специализируется в тонком искусстве, которое мы зовем фотографированием еды. Его ресницы сияют, как белый мех над покрасневшим носом. У него усы пожелтогого моржового фасона, а привычка выпивать не вполне умеренная. Зато студия очень современная, если сравнивать с примитивным обставлением студии Ашрафа. Она находится в премиальном районе Флемингсберг недалеко от Стокгольма. Я примерно двадцать часов в неделю работаю на Райно, проявляя кадры с картофельными запеканками, дымящие паром сосиски и деликатные паштеты. Я учусь всяким хитрым фокусам. Вот ты знаешь, например, как отснять элегантный портрет чашки кофе? Чашку надо наполнить соусом сои, помешав с ней несколько пенных капель посудного средства. Так убегают от неприглядного налета на кофе! Эти трюки еще больше укрепили мое восхищение магией фотографии. Каким еще формам выражения дано такое привилегированное отношение к реальности, что оно будит в тебе аппетит к чашке кофе при виде чашки сои?

Когда фотографических клиентов становится меньше, я ассистирую Райно с другими заданиями.⁴⁵

⁴⁵ Хочешь узнать, что делал твой отец? Позволь я покажу тебе... Посмотри-ка, кто там? Вон там! Видишь его? Это твой отец пробирается из лаборатории Райно, переходит улицу и входит в подъезд дома, где Райно оккупирует свое жилище. Твой родитель едет лифтом на этаж Райно, сигнализирует в звонок и получает радушный прием от разящего пивом корпуса Райно в шлепках и майке. Он делегирует твоему отцу поводок и представляет его собаке, тучному экземпляру породы золотистый ретривер. Райно попеременно зовет собаку Тупица, Сучка, Писька, Дура Хренова или Карина (все имена в честь бывшей жены Райно, которая ушла от него к какому-то специалисту по статистике из налоговой). Пока твой отец не ушел, Райно вручает ему завязанный узлом пластиковый пакет. – Вот возьми. – Хорошо. А зачем? – Тебе он нужен. – Ладно. Но зачем? – Если Тупица выложит какашку, надо ее подобрать и унести в пакете. – Ха-ха-ха, а забавный ты финский человек, и юмор у тебя витиеватый, как твои усы. Пока. – Я не шучу. – Ха-ха-ха! – Эй... Я серьезно. – ХА-ХА-ХА! – Хорош ржать! Ты должен подобрать дерьмо. – Хмм... Эта шутка юмора вовсе не шутка? – Нет... Пока Райно эскортирует собаку на лестницу точно направленным пинком. И вот они стоят вдвоем, скулящая золотоволосая собака и твой блистательный отец. Они спускаются вниз на весеннюю подмерзшую землю и совершают быстрый променад по парку. Собака бродит петлями и нюхает столбы, твой отец с подозрением поглядывает на нее и нервно сжимает в кармане завязанный узлом пакет. Собака писает в песчаницу и вдыхает носом клумбу. Твой отец откашливается. Пси на приседает на задние лапы, как Будда, и презентует светло-коричневую очень жидкую какашку. Твой отец вздыхает, оглядывается по сторонам, сгибает спину и с видом отвращения соскребает какашку, которая прилипла к асфальту. И вот, стоя так в позиции вязальщика шнурков и чувствуя тепло экскрементов, он дает себе обещание: «ВСЕ ЭТО БУДЕТ НЕ ЗРЯ!!! Ниже уже некуда опускаться. В чужой стране, согнутый, собираешь диарейное дерьмо за собакой, названной по имени чьей-то бывшей жены-предательницы!» Твой отец вскидывает вверх кулак с зажатым пакетом с какашкой, и голос его эхом летит по парку: «КОНЕЦ ИГРАМ! ТЕПЕРЬ ВСЕ БУДЕТ СЕРЬЕЗНО!!!» В тот же миг серое небо перфорировует голубая брешь. Солнце сияющим обещанием глядит вниз на твоего отца. Он видит небо, опускает руку и отправляет пакетик с дерьмом в специальную

Работа у Райно помогает укрепить мою рутину, но финансы она дает небольшие. Ценность ее в шансе отполировать собственные проекты. Позволь тут вновь принести мою благодарность за щедро делегированные тобой финансы. Благодаря твоему кредиту мой приезд в Швецию меня не обеспечил, мне не пришлось приобщаться к капиталам Перниллы, к тому же я обрел себе новый системный фотоаппарат.

Разнообразие мотивов для съемки в этой стране у меня катастрофически большая. В каждом квартале, и у каждой станции метро, и в каждом окне я вижу мотивы, которые сидят и ждут, чтобы я их документировал. Иногда меня это инспирирует, иногда нервирует.⁴⁶

Сегодня в Стокгольм пожаловала себя весна. Солнце светило очень по-шведски: глаза слепит, но тепла хватает только чтобы кожу чуть подогреть. Пернилла была на работе, Райно меня пустил идти раньше времени, и я одиноко огули-

собачью урну. Ощущение тепла от собранного за животным дерьма не уходит с пальцев еще долго после того, как он делегирует собаку обратно Райно. Это множит его амбиции никогда не бросать свою мечту.

⁴⁶ Тут можно присовокупить отдельную сцену, где твой отец променирует стокгольмские улицы с перманентно щелкающим фотоаппаратом. Он ловит кадр с дымящими растаманами в парке Кунгстрэдгорден, с улыбающейся конной полицией, с играющими в шахматы пенсионерами, с машущими рукой собачниками, с демонстрантами, вопящими лозунги в защиту деревьев. Он документирует заблудших туристов, мелькающие памятники королям, сломанные телефонные будки, символические дуги мостов. И, конечно, любимый мотив твоего отца, который сотнями снимков собирался у вас в шкафу: все эти засыпанные снегом велосипеды с промерзшими педалями, своим внутренним конфликтом услаждавшие фотографический взгляд твоего отца.

вал центр Стокгольма. Вскоре я приземлил свое тело на скамейку в парке, который у шведов называется Хумланс-горд – Шмелиный сквер. По ту сторону улицы стоял себе угол дома, облитый лучами солнца, птички щебетали, и вокруг была полная гармония. И тут я заметил прохожего, он жал портфель, развевал свой узкий галстук, озабоченно стучал каблуками и осматривал свое запястье...

«Настоящая конторская крыса, – подумал я. – Беги-беги, бедный раб, а мы, художники, будем наслаждаться солнышком на парковых скамейках».

И вдруг что-то стряслось. Он повернул за угол, наткнулся там на солнечный луч и влип на месте будто под гипнозом. Как в замедленной съемке, он остановил ход шагов, поместил тело ближе к стене дома, вытянул шею, как принюхивающаяся собака, прикрыл глаза и... Остался стоять. Как статуя. И наслаждался с райским видом, а я, конечно, задокументировал его своей камерой. Самое интересное, что такой был не один. **ВСЬ** Стокгольм в этот первый день впал в похожую кондицию, в **КАЖДОМ** подсвеченном солнцем районе города, на каждой остановке, на каждой площади вдруг вставали вкопанными нарядно одетые конторские шведы, все с закинутой головой, блаженной улыбкой и закрытыми глазами. Сотни человек, как изголодавшиеся растения, искали первого благословения солнечных лучей. Рты у многих при этом испускали звук, который лучше всего передать как «мммм». Мой фотоаппарат документировал их

странное поведение, и у меня теперь есть план назвать премьерную коллекцию «Стокгольм. Солнечные углы и зимние велосипеды». К лету, наверное, сделаю и выставлю.⁴⁷

Я все слежу на расстоянии за недавними эпизодами трагедийной судьбы Туниса. Ты тоже соучаствовал во всеобщей забастовке? Глаза мои читали буквы в журналах, но разум отказывался понять размах. Погибли пятьдесят человек? Двести? Арестованы тысячи? Не дай себе затеряться в туниках политики!

Понятно, что политический энтузиазм Перниллы и во мне теперь отражается. Но иногда я гляжу на ее товарищей, одетых в плащи: они стоят, разогретые красным вином, раскачиваются, скандируют свои мантры про ужасы американского империализма и угрозу капитализма, ерошат бороды и не устают по десять раз спрашивать меня про перспективы Ближнего Востока, про мой взгляд на Садата⁴⁸, про... Мои глаза наполняет презрение. И приходит мысль: что они зна-

⁴⁷ Прости, но я тут заметил шикарный феномен на сайте справочника шведов «Эниро»: знаешь, где находилась студия Райно? Недалеко от Регуляторвеген во Флемингсберге. Если проследить эту улицу на запад, она сменит название на Хэльсовеген. Если потом повернуть направо на Катринебергсвеген и продолжить до Мелланбергсвеген, а потом опять уйти направо и пересечь Ниббельбакен... Угадай, где окажешься? На Кастаньевеген – на Каштановой, значит, улице! Совпадение или знак судьбы? Кто ж их разделит? (А ты вот знаешь, сколько всего в Швеции Каштановых улиц? Пятьдесят шесть штук! Меня эти мотивы начинают пугать. Скажи, где мы окончим наш вояж?)

⁴⁸ Мухаммед Анвар ас-Садат, египетский государственный и военный деятель, президент Египта в 1970–1981 гг. (Прим. пер.)

ют о жизни, эти выросшие в роскоши политиканы по привычке? Почему думают, что у них патент на правду? Почему рассматривают меня с разочарованием, когда я экспрессирую нежелание называть Садата предателем только потому, что он ищет компромиссы. И почему упрямо бьются, чтобы убедить меня в божественности пахлавы и глубокомысленности этого хренова «Пророка». У меня эта книга уже поперек горла засела, честное слово. Почему они только и хотят обсуждать, что Ближний Восток и пахлаву? Почему никто не хочет поговорить про Отиса Рединга? Почему хоть на один этот вечер не опустить из рук оковы политики, не забыть про голодающих детей Африки и не обрести совместным капиталом чашу пенящего пунша? И поговорить, например, о том, почему Отис в первом куплете поет «sitting on», а потом в последнем «sitting AT the dock of the bay»⁴⁹. Почему нас, людей, никогда не радуют простые мелочи жизни?

Прости мне все эти буквы, Кадир. Но у меня нет других друзей, чтобы поделиться словами. А возможность ретурнировать назад в родные арабские сферы дарит райское освобождение. Мои шведские познания все еще сильно лимитированы.

Аббас⁵⁰

⁴⁹ «Сидя на причале», «сидя у причала» (англ.).

⁵⁰ Прежде чем мы двинемся дальше, позволь я повторю тебе одну витальную важную вещь: ЛЮБАЯ информация о тунисском политическом настоящем

Стокгольм, 22 июля 1978 г.

Здоровья тебе, Кадир!

Пришло лето! Птички щебечут, сирени благоухают, а Пернилла теперь моя законная жена! В своем робко растущем животе она носит моего будущего ребенка! Наше общее будущее теперь обнадежено!

Мы поклялись друг другу вечными клятвами на скромной церемонии в Ратуше, двое Перниллиных бородатых братьев стали свидетелями нашего с ней счастья, а вот ее родителей, к неудаче, настиг совместный грипп. Праздника это никому не омрачило (в особенности мне). Друзья Перниллы приветствовали наш альянс и одарили нас многими презентами: самодельными половичками, пепельницами, индийскими платками и барабаном-дарбукой. После церемонии мы направили шаги домой и усладились там макаронами с лососем и бокалом вина.

Мы с Перниллой очень, очень счастливы, и наша счастливая радость максимизирует собой общественную радость.⁵¹ После заключения нашего альянса шведские власти позвали нас с Перниллой расспросить о нашем браке. Нас провели в

ДОЛЖНА по причинам, которые ты наверняка знаешь, обратиться из нашей книги. Этот совет должен стать для тебя законом, Юнас. Для нас важнoзначимо, центрально и сущно НИКОИМ образом, НИ ЗА ЧТО не дать просочиться в эту книгу политическим взглядам на современный Тунис. Сам, наверное, понимаешь почему? Не у одного тебя тунисский паспорт, который может доставить человеку некоторые усложненности...

⁵¹ Тут твой отец злоупотребляет некоторым словарным повторением, но я переведу тебе его ошибки слово к слову.

разные комнаты, меня с переводчиком, Перниллу – без.

Улыбающийся мужчина в костюме подал нам кофе и опросил о наших привычках. Что Пернилла ест на завтрак? Как часто она чистит зубы? В котором часу предпочитает отправлять свое тело ко сну? Какого цвета носит домашние наряды? В чем она была в наше первое randevu? Их старания направлялись, разумеется, на то, чтобы гарантировать, что наш альянс не результирован моей тоской по шведскому ПМЖ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.